

Российский государственный гуманитарный университет

Платоновский исследовательский научный центр

МОО Платоновское философское общество

Общество историков русской философии
им. В.В. Зеньковского

Центр античной и средневековой философии и науки
Института философии РАН

**Девятая московская
международная
Платоновская конференция**

25–26 ноября 2021 г.

Москва

2021

УДК 1(091)(063)

ББК 87.3(0)я431

Д25

Под редакцией

И.А. Проторовой, А.И. Резниченко

ISBN 978-5-7281-3040-6

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2021

Содержание

Программа	8
Тезисы	17
<i>Алексеева А.А.</i>	
Вторая гипотеза Парменида в диалоге Платона «Парменид» и ее онтологическая важность в связи с методом Платона	18
<i>Антонов Д.И.</i>	
«Де не мните, яко отъ простейшихъ есмь духовъ, но князь Фелузеръ нарицаюся». Иерархии демонов в русской иконографии	20
<i>Анциферова О.И.</i>	
Христианский платонизм В.Ф. Эрна	22
<i>Афонасин Е.В.</i>	
Анонимный античный трактат «О доблести» (Peri aretes) в свете современных правовых дискуссий о гражданских свободах	24
<i>Бекбаев Р.Р.</i>	
Трансформация платонизма в философии традиционализма Рене Генона	26
<i>Близнеков В.Л.</i>	
Генезис платоновского Эроса в неоплатонизме и у Марсилио Фичино	29
<i>Бойцов А.С., Джадан И.И.</i>	
К вопросу о четырех типах эйдосов. Четырех ли?	31
<i>Варламова М.Н.</i>	
Пневма как инструментальная причина в комментарии Филопона на «О душе» Аристотеля	33

<i>Вахитов Р.Р.</i>	
Вульгарный марксизм до марксизма.	
Спор Фрасимаха и Сократа в «Государстве»	
Платона и социологизаторов и М.А. Лифшица	36
<i>Волкова Н.П.</i>	
Аристотелевская интерпретация тезиса Протагора	
и учение Анаксагора о гомеомериях	39
<i>Вольф М.Н.</i>	
«Парменид» Платона и неконсистентность мира	42
<i>Гончарко Д.Н., Гончарко О.Ю.</i>	
Речь Аспазии в «Менексене»: вымысел, ирония,	
драматургия?	44
<i>Гончарко О.Ю.</i>	
Платоновский диалог как жанр и его рецепция	
в Византии и России XVIII–XIX вв.	47
<i>Гравина И.В.</i>	
Единое Лосева – многое Делеза:	
К вопросу интерпретаций платонизма	50
<i>Гурьянов И.Г.</i>	
«Психология времени» в ландшафте знания	
раннего Нового времени	54
<i>Демин Р.Н.</i>	
Первое издание полного собрания	
сочинений Платона в Англии	57
<i>Джадан И.И., Бойцов А.С.</i>	
Проблема существования лжи и пути её	
возможного решения в платоновских «Диалогах»	60
<i>До Егито Т.М.</i>	
Экстаз в эпоху революций	62
<i>Дорохина Д.М.</i>	
Неоплатоническая концепция свободы и судьбы	
в философии С. Франка	64

<i>Зверев А.С.</i> Древнеегипетский исток понятия «эйдос»	66
<i>Золотухина А.И.</i> Выйти из вечности – выйти из танца: хореографическая метафора вечности в платонической традиции	69
<i>Исмиева В.М.</i> Путь самопознания: две киноверсии (на материалах художественных фильмов)	72
<i>Ищенко Н.С.</i> Лестница эротического познания в стихотворении Елены Заславской	76
<i>Калиновский А.З.</i> Значение Платона для политической философии сегодня и его роль в становлении понятия “политического” (das “Politische”)	80
<i>Кнорре Е.Ю.</i> «Стены падают»: мистика освобождения в творчестве М. Пришвина и Л. Андреева	84
<i>Косякова В.А.</i> Ангелы, демоны и дураки Иеронима Босха: рецепция неоплатонизма в визуальной культуре Позднего Средневековья	86
<i>Левина Т.В.</i> Освобожденное Ничто: неоплатонические реминисценции авангарда	88
<i>Левина Т.В.</i> Идеализм и идеология: академический путь Софьи Яновской	91
<i>Логинов А.В.</i> Интерпретация идеального государства Платона в политической философии Н.В. Устрялова	94

<i>Майзульс М.Р.</i>	О подземной иерархии. Порядок и беспорядок в средневековой иконографии демонов	97
<i>Маньков А.Е.</i>	Тинних и Кэдмон: о роли божественного вдохновения у Платона и Беда	99
<i>Мельникова Е.В.</i>	Платонизм в феноменологическом учении о категориальном созерцании	104
<i>Осминская Н.А.</i>	От Декарта к Платону: Г.В. Лейбниц о мудрости, добродетели и счастье	106
<i>Петров В.В.</i>	Карл Кереньи о соотношении религии и философии в Новой академии	109
<i>Петрова Л.А.</i>	Имя Божие и божественная энергия в философии языка С.Н. Булгакова	113
<i>Резвых П.В.</i>	Платонические аллюзии в «Мировых эпохах» Ф.В.Й. Шеллинга	115
<i>Руднев Ю.В.</i>	Платонизм и андрагогика в «Причудах бочара» (1546) Джамбаттиста Джелли	117
<i>Савельева М.Ю.</i>	Платон и Марк Аврелий: историческая логика становления диалоговой формы философского мышления	120
<i>Сафиулина Р.М.</i>	Учение Плотина и эстетизм М.А. Кузмина	124

<i>Светлов Р.В.</i>	
Теология Юлиана Отступника	127
<i>Солька А.А.Л.</i>	
Чувства, сила, цивилизация, знания и судьба от досократиков до произведений Платона, в частности Тимея и Крития. Каковы настоящие аспекты сказки об Атлантиде?	129
<i>Троицкий В.П.</i>	
О возможном платоническом источнике особого раздела «Учения о числах» Кирика Новгородца (1136 г.)	131
<i>Харман Д.Д.</i>	
Рецепция неоплатонизма в работах художников эпохи Ренессанса: границы и возможности иконологического метода. Случай Дюрера	134
<i>Шевцов А.А.</i>	
Мистика и магия платонизма	137
<i>Шуман А.Н.</i>	
Платонизм и Буддизм Чистой Земли	139

ПРОГРАММА

25 ноября, четверг

Секция «Платоноведение»

11.00–14.30 Утреннее заседание

Модератор: И.А. Протопопова

Аудитория 228

Мочалова Ирина Николаевна (*Санкт-Петербург*)
Изобретение философии: Сократ, Аполлон и лебеди

Протопопова Ирина Александровна (*Москва*)
«Трансцендентное» и «трансцендентальное»: Платон
и Гуссерль

Вольф Марина Николаевна (*Новосибирск*)
«Парменид» Платона и неконсистентность мира

Алексеева Алина Александровна (*Москва*)
Вторая гипотеза в диалоге Платона «Парменид» и ее
онтологическая важность в связи с методом Платона

Бойцов Александр Сергеевич (*Санкт-Петербург, Россия / Три-
вандрум, Индия*)
К вопросу о четырех типах эйдосов. Четырех ли?

Джадан Игорь Иванович (*Луганск, Украина*)
Проблема существования лжи и пути её возможного
решения в платоновских диалогах

Мельникова Екатерина Васильевна (*Москва*)
Платонизм в феноменологическом учении о катего-
риальном созерцании

Модератор: И.Н. Мочалова

Аудитория 228

Шевцов Александр Александрович (*Санкт-Петербург*)
Мистика и магия платонизма

Солька Александр Андрэ Луи (*Москва*)
Фрагменты досократиков в «Тимее» и «Критии» Платона

Гончарко Оксана Юрьевна, Гончарко Дмитрий Николаевич
(*Санкт-Петербург*)
Речь Аспазии в «Менексене»: вымысел, ирония, драма тургия?

Афонасин Евгений Васильевич (*Новосибирск*)
Анонимный античный трактат «О доблести» (Peri aretes)
в свете современных правовых дискуссий о гражданских свободах

Калиновский Александр Зиновьевич (*Киев, Украина*)
Значение Платона для политической философии
сегодня и его роль в становлении понятия «политичес-
кого» (DAS “POLITISCHE”)

Барышев Игорь Александрович (*Москва*)
Современный институт реальности как Платонов
конструкт: онтологическое масштабирование и иммер-
сивность

Секция «Платонизм: рецепции и параллели»

11.00–14.30 Утреннее заседание

Модератор: В.В. Петров

Аудитория 420

Волкова Надежда Павловна (*Москва*)
Аристотелевская интерпретация тезиса Протагора и учение Анаксагора о гомеомериях

Варламова Мария Николаевна (*Санкт-Петербург*)
Пневма как инструментальная причина в комментарии Филопона на «О душе» Аристотеля

Савельева Марина Юрьевна (*Киев, Украина*)
Платон и Марк Аврелий: историческая логика становления диалоговой формы философского мышления

Светлов Роман Викторович (*Санкт-Петербург*)
Теология Юлиана Отступника

Бирюков Дмитрий Сергеевич (*Санкт-Петербург*)
Формирование паламитской доктрины в ранних сочинениях Григория Паламы

Демин Ростислав Николаевич (*Санкт-Петербург*)
Первое издание полного собрания сочинений Платона в Англии

Петров Валерий Валентинович (*Москва*)
Карл Кереньи о соотношении религии и философии в Новой Академии

Бекбаев Рауф Рустамович (*Ташкент, Узбекистан*)
Трансформация платонизма в философии традиционализма Рене Генона

Модератор: И.Г. Гурьянов

Аудитория 420

Шуман Андрей Николаевич (*Жешов, Польша*)

Платон и буддизм чистой земли

Осминская Наталья Александровна (*Москва*)

От Декарта к Платону: Г.В. Лейбниц о мудрости, добродетели и счастье

Зверев Александр Сергеевич (*Москва*)

Древнеегипетский исток понятия «эйдос»

Маньков Александр Евгеньевич (*Москва*)

Тинних и Кэдмон: о роли божественного вдохновения у Платона и Беды

Близнеков Владимир Леонидович (*Москва*)

Генезис платоновского Эроса в неоплатонизме и у Марсилио Фичино

Руднев Юрий Владимирович (*Вена-Будапешт*)

Платонизм и андрагогика в «Причудах бочара» (1546)
Джамбаттиста Джелли

Гурьянов Илья Геннадьевич (*Москва*)

«Психология времени» в ландшафте знания раннего Нового времени

Резвых Петр Владиславович (*Москва*)

Платонические аллюзии в «Мировых эпохах» Ф.В.Й. Шеллинга

Секция «Русский платонизм»

11.00–14.00 Утреннее заседание

Модератор: А.И. Резниченко

Аудитория 602 (ПИНЦ)

Троицкий Виктор Петрович (*Москва*)

О возможном платоническом источнике особого раздела
«Учения о числах» Кирика Новгородца (1136 г.)

Гончарко Оксана Юрьевна (*Санкт-Петербург*)

Платоновский диалог как жанр и его рецепция в Византии и России XVIII–XIX вв.

Бирюков Дмитрий Сергеевич (*Санкт-Петербург*)

Два «византистских» проекта девятнадцатого века и один двадцатого: И.В. Киреевский, К.Н. Леонтьев, П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев

Резниченко Анна Игоревна (*Москва*)

Флоренский, Платон, Кант и магия

Анциферова Оксана Игоревна (*Москва*)

Христианский платонизм В.Ф. Эрн

Петрова Любовь Алексеевна (*Санкт-Петербург*)

Имя Божие и божественная энергия в философии языка
С.Н. Булгакова

15.00–18.00 Вечернее заседание

Модератор: В.П. Троицкий

Аудитория 602 (ПИНЦ)

Дорохина Дарья Михайловна (Москва)

Неоплатоническая концепция свободы и судьбы в философии С. Франка

Гравина Ирина Викторовна (Москва)

Единое Лосева – Многое Делеза: к вопросу интерпретаций платонизма

Логинов Александр Вячеславович (Москва)

Интерпретация идеального государства Платона в политической философии Н.В. Устрялова

Вахитов Рустем Ринатович (Уфа)

Вульгарный марксизм до марксизма. Спор Фрасимаха и Сократа в «Государстве» Платона // «социологизаторов» и М.А. Лифшица

Левина Татьяна Владимировна (Эссен, Германия)

Идеализм и идеология: академический путь Софьи Яновской

Гравин Артем Андреевич (Санкт-Петербург)

Классификация русского символизма в раннем творчестве Людмилы Гоготишвили

26 ноября, пятница

Секция «Платонизм в визуальной культуре»

11.30–14.00 Утреннее заседание

Модератор: В.А. Косякова

Косякова Валерия Александровна (*Москва*)

Ангелы, демоны и дураки Иеронима Босха: рецепция неоплатонизма в визуальной культуре Позднего Средневековья

Харман Дильшат Догановна (*Москва*)

Рецепция неоплатонизма в работах художников эпохи Ренессанса: границы и возможности иконологического метода. Случай Дюрера

Антонов Дмитрий Игоревич (*Москва*)

«Да не мните, яко отъ простейшихъ есмь духовъ, но князь Фелузеръ нарицаюся»: иерархии демонов в русской иконографии

Майзульс Михаил романович (*Москва*)

О подземной иерархии. Порядок и беспорядок в средневековой иконографии демонов

Левина Татьяна Владимировна (*Эссен, Германия*)

Освобожденное Ничто: неоплатонические реминисценции авангарда

14.30–17.30 Вечернее заседание

Модератор: В.М. Исмиева

Золотухина Анастасия Игоревна (Москва)

Выйти из вечности – выйти из танца: хореографическая метафора вечности в платонической традиции

До Егито Тинатин Мерабовна (Москва)

Экстаз в эпоху Революций: С. Эйзенштейн и В. Эрн

Сафиулина Рано Мирзахановна (Москва)

Учение Плотина и эстетизм М. А. Кузмина

Кнорре Елена Юрьевна (Москва)

«Стены падают»: мистика освобождения в творчестве М. Пришвина и Л. Андреева

Ищенко Нина Сергеевна (Луганск, Украина)

Лестница эротического познания в стихотворении Елены Заславской

Исмиева Валерия Мамедовна (Москва)

Путь самопознания: две киноверсии (на материалах художественных фильмов «Страна в шкафу» и «Человек из Подольска»)

ТЕЗИСЫ

Алексеева Алина Александровна

студент 3-го курса

*Государственный академический
университет гуманитарных наук*

Москва; ladyalekseeva@mail.ru

Вторая гипотеза Парменида
в диалоге Платона «Парменид»
и ее онтологическая важность
в связи с методом Платона

Доклад посвящен обоснованию преимуществ второй гипотезы Парменида для описания устройства мира и места человека в нем, а также нахождению такого свойства идей, как различие в себе. Для этого, в докладе будет рассмотрено «одно» из первой гипотезы как пример выхода за рамки метода в область ноэтического и неразличимого, апофатичного. Также будет проанализировано такое свойство идеи, как быть понятной, вследствие этого свойства будет доказана необходимость рассматривать «одно» из второй гипотезы, как «квази-делимый» эйдос «бытие одним», отличающийся тем, что может содержать внутри себя оба отношения: к себе и к другому. Основная гипотеза доклада заключается в том, что различие – это условие существования мира и условие видимости идей для познающего субъекта. Мир сущих, мир идей и человеческое познание могут рассматриваться как фундаментально сходные.

Ключевые слова: «квази-делимый» эйдос, бытие одним, *pros heauto*, *pros ta alla*, различие, познающий субъект

Alina A. Alekseeva, 3 year student, State Academic University for the Humanities, Moscow; ladyalekseeva@mail.ru

The second hypothesis of Parmenides
in Plato's dialogue «Parmenides» and its
ontological importance in connection
with Plato's method

The report is devoted to substantiating the advantages of the second hypothesis of Parmenides for describing the structure of the world and the place of man in it, as well as finding such a property of ideas as self-difference. To do this, the report will consider “one” of the first hypothesis as an example of going beyond the method into the field of noetic and indistinguishable, apophatic. Also, such a property of the idea as being understandable will be analyzed, as a result of this property, the need to consider the «one» of the second hypothesis will be proved as a “quasi-divisible” eidos “being one”, characterized in that it can contain both relationships within itself: to itself and to the other. The main hypothesis of the report is that difference is a condition for the existence of the world and a condition for the visibility of ideas for the cognizing subject. The world of beings, the world of ideas and human cognition can be regarded as fundamentally similar.

Keywords: “quasi-divisible” eidos, being one, pros heauto, pros ta alla, difference, cognizing subject

«Де не мните, яко отъ простейшихъ есмь духовъ,
но князь Фелузеръ нарицаюся».
Иерархии демонов в русской иконографии

Средневековые христианские представления о мире духов – как ангелов так и демонов – во многом находились под влиянием неоплатонических концепций. Важнейшую роль играла здесь иерархия псевдо-Дионисия Ареопагита (V–VI вв.), который обосновал идею об ослаблении благодати и силы ангелов при их приближении к земному миру. Аналогичные построения возникали и в рассказах об inferнальном мире – в восточном христианстве это ярко представлено в трудах Михаила Пселла (XI в.), активно обращавшегося к наследию Платона.

Русской средневековой культуре эти концепции были известны благодаря переводным текстам, но они мало влияли на книжную демонологию – сочинение, в котором ярко отражалась неоплатоническая идея о сложной иерархии и разных способностях демонов, появился на Руси только в XVII в. (недавно найдено в архиве Посольского приказа). Тем не менее, представление об иерархическом устройстве бесовского мира активно проявлялось в визуальной традиции. В иконописи разрабатывались приемы, позволявшие отличить повелителя демонов от его слуг и зримо передать отношения подданства и главенства. Поскольку антропоморфная хохлатая фигура была общей для дьявола, бесовских «князей» и простых демонов, здесь использовались особые приемы. В докладе мы рассмотрим знаковые и геометрические модели, а также атрибутику, с помощью которых русские иконописцы и иллюминаторы маркировали падших ангелов разного «ранга». В фокусе внимания будут иконы и миниатюры XVI–XVII вв., а также старообрядческая миниатюра XVIII в., где многие средневековые приемы были разработаны и акцентированы.

Ключевые слова: неоплатонизм, демонология, русская иконография, визуальные модели

Dmitriy I. Antonov, Dr. of Sci. (History), Russian State University
for the Humanities, Moscow; antonov-dmitriy@list.ru

“De don’t you think I am one of the simple spirits,
Prince Feluzer is my name”.

Hierarchies of demons in Russian iconography

Medieval Christian ideas about the world of spirits – both angels and demons – were largely influenced by Neoplatonic concepts. Pseudo-Dionysius the Areopagite (V–VI c.) described the well-known hierarchy of angels whose grace and power was supposed to weaken while approaching the earthly world. Similar ideas helped different authors to describe the organization of the infernal world. In Eastern Christianity, such concept was represented in the works of Michael Psellos (11th c.), who often used and popularized the texts of Plato.

In Russian medieval culture these concepts were generally known thanks to translated literature. Still they had little effect on book demonology. A text that reflected the neoplatonic idea of a complex hierarchy of demons and their different abilities appeared in Russia only in the 17th century (it was recently found in the archive of the *Posolskiy prikaz*, Muscovite Embassy department). Nevertheless, the idea of the hierarchical structure of the demonic world was actively manifested in Medieval Russian iconography. Artists intended to distinguish the ‘lords of demons’ from their servants and developed different markers and schemes that helped them visualize idea of primacy and subordination. Since the anthropomorphic crested figure was used to depict both the Devil, demonic ‘princes’ and simple demons, icon painters had to find different ways to differentiate evil spirits. In my paper I will consider geometric models, signs and attributes that helped Russian artists mark fallen angels of different ‘ranks’. I will focus on the icons and miniatures of the 16th–17th centuries and on the miniatures of the 18th century, as many medieval techniques were developed by Russian Old Believers of the time.

Keywords: Neo-Platonism, demonology, Russian iconography, visual models

Христианский платонизм В.Ф. Эрна

Охарактеризовать философию В. Ф. Эрна как христианский платонизм – это сказать все и ничего по существу, и, как он сам это определяет, только «указать род, с которым внутренне и внешне связана его мысль». Эта характеристика преимущественно ограничительная и не дает понимания свойств и особенностей системы взглядов Эрна. Отличительная же черта его мысли – неразрывная связь философии (платонизма) и религии (христианства). При чем не просто их синтез, а полное взаимопроникновение, когда одно без другого не мыслимо и оба существуют лишь как органическое целое.

Если в христианстве Эрна сомневаться не приходится, то его платонизм может быть поставлен под вопрос, ведь платонизм этот совершенно особенного свойства. Во-первых, он весьма избирателен. Владимир Францевич принимает лишь глубинно метафизические концепты учения античного мыслителя, обогащающие его собственную религиозность. Платонизм его партикулярен, учение древнегреческого мыслителя принимается им в идеализированной форме, как философия «с величайшей активностью светлой стороны разумности», имеющая дело только с безусловными вещами.

Отсюда вытекает второе свойство платонизма Эрна – его онтологизм. Философ «идет путем творческого и спонтанного возобновления платонизма», возводя в качестве максимы идеальную формулу «Сущее творит существующее». В определенном смысле Эрн каждый раз разворачивает спираль от постоянно возникающего, но никогда не существующего, до вечного и не возникающего бытия – то есть в каждой обыденной вещи, он находит отражение Первопринципа, ее породившего, тем самым как бы утверждая его действительность и объективность.

Еще одной характерной особенностью платонизма Эрна является творческое осмысление. Для Эрна как для истинного философа недостаточно простого возврата к истокам: метафизические истины не могут быть усвоены лишь изучением истории мысли. Они должны быть поняты внутри себя, должен свершиться «подвиг коренного

прозрения в природу вещей», как он это называет, а затем пропущенные через горнило собственного внутреннего переживания (вот здесь вступает в свою полную силу и христианская вера) обретенные смыслы призваны разродиться «в утонченных терминах современного мышления». Мотив явленности результата очень важен для Эрн: явленность достижений духа – это своеобразная верификация и доказательство истинности этих достижений. В этом он так же следует за великим мастером Платоном: ведь тот, кто вышел из пещеры на свет и прикоснулся к Благу, должен вернуться назад, чтобы поведать о своем «неземном» открытии.

Ключевые слова: христианский платонизм, онтологизм, Владимир Эрн, философия, религия, синтез

Keywords: Christian Platonism, ontologism, Vladimir Ern, philosophy, religion, synthesis

Афонасин Евгений Васильевич

доктор философских наук

Новосибирский государственный университет

Институт философии и права СО РАН

Новосибирск; afonasin@gmail.com

Анонимный античный трактат
«О доблести» (Peri aretes) в свете современных
правовых дискуссий о гражданских свободах¹

Черета олигархических переворотов конца пятого века (от олигархического переворота Четырехсот 411 г. до переворота Тридцати 404 г.) актуализировала в афинском обществе вопрос о фундаментальном значении преодоления этих тираний для восстановления демократии. Политический трактат неизвестного автора, получивший название Anonymus Iamblichī представляет интерес именно в этой связи, особенно будучи рассмотрен в контексте современных правовых теорий, касающихся гражданских свобод. Нам представляется, что это уникальное сочинение в защиту демократии лучше всего прочитывается в пифагорейском контексте в контрасте с софистами и Платоном.

Ключевые слова: демократия, античные политические теории, Anonymus Iamblichī, пифагореизм

Evgenii V. Afonasin, Dr. of Sci. (Philosophy), Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University; afonasin@gmail.com

¹ Работа выполнена при поддержке РФФ, проект № 19-8-00128 «Античная эпистемология: элеаты, софисты, Платон в новых интерпретациях».

This work was supported by the Russian Science Foundation, project No 19-8-00128 «Ancient Epistemology: Eleatics, Sophists, and Plato in New Interpretations».

The anonymous ancient treatise
“On Excellence (Peri aretes)”
in light of contemporary legal debates on civil liberties

The series of oligarchic coups of the late fifth century (from the oligarchic coup of the Four Hundred in 411 BCE to the coup of the Thirty in 404 BCE) actualized in Athenian society the question of the fundamental importance of overcoming these tyrannies for the restoration of democracy. A political treatise by an unknown author called Anonymus Iamblichii is of interest precisely in this regard, especially when considered in the context of contemporary legal theories concerning civil liberties. It seems to us that this unique work in defense of democracy is best understood in the Pythagorean context as contrasted with the Sophists and Plato.

Keywords: democracy, ancient political theories, Anonymus Iamblichii, Pythagoreanism

Бекбаев Рауф Рустамович

соискатель

Национальный университет Узбекистана

Ташкент, Узбекистан

RaufBekbaev96@yandex.com

Трансформация платонизма в философии традиционализма Рене Генона

В докладе рассматриваются некоторые аспекты проявления платоновской философии на традиционалистскую философию Рене Генона. Определяется, что учение Платона оказало влияние на философские взгляды Рене Генона о познании, бытии и обществе.

Рене Генон как философ-традиционалист и один из ключевых представителей философской компаративистики испытал сильнейшее влияние платоновской философии. Основу этого влияния составляет то, что пифагореизм, как одно из утраченных традиционных знаний Запада, трансформируется в философских взглядах Платона, который, по мнению Генона, сам являлся «чистым пифагорейцем в учении о числах». Следовательно, платонизм транслирует пифагорейскую традицию, восходящую к Гиперборее. Наиболее ярким примером этого является надпись у входа в платоновскую Академию: «Не геометр да не войдет!». Данная надпись для Генона носит не только рациональный, но и скрытый смысл, а именно то, что в Академии необходимо не просто знание математики, а знание сокрытой в ней сакральной традиции. Для Генона платоническая философия важна в ее внутренней, эзотерической сущности, впоследствии ярче всего проявившаяся в неоплатонической философии, непосредственно связанной с восточной традицией. В частности, сам Генон указывает, что в неоплатонизме «действительно обнаруживаются настоящие метафизические идеи, такие, например, как идея Бесконечного...». Особое значение для Генона имеет платоновская теория познания, которая определяет, что чувственное познание есть лишь иллюзия, ибо оно происходит через «тени на стене пещеры». Лишь философам доступно знание «мира идей», а также интеллектуальная интуиция как таковая, а потому они и должны стоять во главе идеального государства.

Влияние социальной философии Платона обнаруживается в социальной философии Рене Генона. Также, как и античный философ, Генон считает, что необходима социальная стратификация, поскольку «первоначальное единство» состоит в том, чтобы «каждый нашел свое место, которое он должен занимать, и чтобы таким образом социальный порядок точно передавал отношения иерархии, являющийся результатом самой природы отдельных людей». В этом проявляется органицизм геноновской социальной философии и философской антропологии. Нарушение этой иерархии неизбежно приводит к социальному хаосу. Во главе же социальной структуры должны находиться «брахманы», «жрецы» или платоновские «философы-правители», ибо именно они способны познать и передать традиционное, истинное знание, доступное лишь тем, кто обладает интеллектуальной интуицией. Удел же остальных слоев общества в том, чтобы выполнять свою «природную» функцию, однако не восставать против традиционного устройства, лишь следовать своему фатуму.

Таким образом, мы можем наблюдать, что платоновская философия трансформировалась в философии традиционализма Рене Генона через некоторые аспекты теории познания, онтологии и социальной философии античного мыслителя, который, по сути, есть для него один из «великих метафизиков» Запада.

Ключевые слова: платонизм, традиционализм, познание, бытие, человек, общество.

Rauf R. Bekbaev, independent researcher, National University of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan; RaufBekbaev96@yandex.com

The transformation of Platonism in the philosophy of traditionalism of Rene Guenon

This paper draws attention to some aspects of the manifestation of Platonic philosophy on the traditionalist philosophy of Rene Guenon. It is determined that Plato's teaching influenced Rene Guenon's philosophical views on cognition, being and the social.

Rene Guenon, as a traditionalist philosopher and one of the key representatives of comparative philosophy, was strongly influenced by

Platonic philosophy. The basis of this influence is that Pythagoreanism, as one of the lost traditional knowledge of the West, is transformed in the philosophical views of Plato, who, according to Guenon, was himself “a pure Pythagorean in the doctrine of numbers.” Consequently, Platonism transmits the Pythagorean tradition, dating back to Hyperborea. The most striking example of this is the inscription at the entrance to the Platonic Academy: “Let no one ignorant of geometry enter here!” This inscription for Guenon has not only a rational, but also a hidden meaning, namely that in the Academy needs not just knowledge of mathematics, but knowledge of the sacred tradition hidden in it. For Guenon, platonic philosophy is important in its inner, esoteric essence, which later manifested itself most vividly in Neoplatonic philosophy, directly related to the Eastern tradition. In particular, Guenon himself points out that Neoplatonism “definitely reveals real metaphysical ideas, such as, for example, the idea of the Infinite...”. Plato’s theory of cognition has a particular importance for Guenon. Plato defines that sensory cognition is only an illusion, because it occurs through “shadows on the wall of the cave.” Only philosophers have access to knowledge of the “world of ideas”, as well as intellectual intuition as such, and therefore they should be at the head of an ideal state.

The influence of Plato’s social philosophy is found in the social philosophy of Rene Guenon. Also, like the ancient philosopher, Guenon believes that social stratification is necessary, since the “initial unity” consists in “everyone finding his place, which he should occupy, and so that the social order accurately conveys the relations of hierarchy, which is the result of the very nature of individual people.” This shows the organicism of Guenon’s social philosophy and philosophical anthropology. Violation of this hierarchy inevitably leads to social chaos. At the head of the social structure should be “Brahmins”, “priests” or Platonic “philosophers-rulers”, because they are the ones who are able to know and transmit traditional, true knowledge, accessible only to those who have intellectual intuition. The lot of the rest of society is to fulfill its “natural” function, but not to rebel against the traditional structure, only to follow its fate.

Thus, we can observe that Platonic philosophy was transformed into the philosophy of traditionalism by Rene Guenon through some aspects of the theory of knowledge, ontology and social philosophy of the ancient thinker, who, in fact, is for him one of the “great metaphysicians” of the West.

Keywords: Platonism, traditionalism, cognition, being, man, society

Близнеков Владимир Леонидович

PhD, доцент РАНХиГС

Москва; vbliznekov@gmail.com

Генезис платоновского Эроса в неоплатонизме и у Марсилио Фичино

В докладе рассматривается проблема генезиса философского характера платоновского Эроса, который в диалогах Платона означает вождедеющее стремление несовершенной личности к совершенной. Эрос у Платона означает также отказ от чувственного мира в пользу мира идей, поскольку Эрос является посредником между человеческим бытием и божественной экзистенцией. Но этот отказ не является альтруистическим. Платоновский Эрос является формой эгоцентричной любви, где любящий жаждет захватить себе любимого как более ценную сущность, чем он сам и обладать ей.

Неоплатонизм Плотина и Прокла придает платоновскому учению об Эросе метафизический и космологический смысл в качестве воссоединения индивидуальных душ с божественным Единым. Плотин в отличие от Платона понимает Эрос как атрибут сущности Единого, т. е. Эрос представляет собой любовь Единого к самому себе.

Прокл – выдающийся философ неоплатоник – понимает Эрос иначе, чем Платон и Плотин. У Прокла Эрос есть не только стремление несовершенного к совершенному, но и божественный дар людям, в качестве любви, исходящей свыше, которая имеет чисто божественное происхождение. Эта идея Прокла означает поворот в платоновском мировоззрении, поскольку она предполагает более близкое и тесное отношение между божественным и человеческим бытием. Эрос у Прокла представляет собой универсальную космологическую сущность, которое соединяет вместе небесное и земное и все сферы бытия приводит в движение.

В «Комментарии на «Пир» Платона» основатель и глава флорентийской Платоновской академии Марсилио Фичино предпринимает попытку переосмыслить учение об Эросе Платона и античных неоплатоников, согласовав философский характер Эроса с христианским богословием и гуманизмом Ренессанса. У Фичино Эрос представляет собой силу, которая соединяет тело и душу, материальный и духовный мир, так что благодаря Эросу все сферы бытия

объединяются в одно целое. Эрос также соединяет души любящего и любимого, превращает их души в одну. У Фичино Эрос не является, как у Платона, односторонней вожделяющей любовью любящего к любимому, где любимый только позволяет любящему любить себя. Фичино понимает Эрос как взаимную любовь, где любимый также «должен» любить любящего, иначе он становится ответственным за душевную смерть любящего, душа которого добровольно умирает ради любви к любимому. Только благодаря ответной любви любимого, душа любящего воскресает, и душа любящего и душа любимого соединяются воедино. При этом у Фичино любая любовь есть благо, поскольку Эрос имеет божественное происхождение.

Ключевые слова: Эрос, любовь, душа, бытие, Единое

Vladimir L. Bliznekov, PhD in Philosophy, associate professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow; vbiznekov@gmail.com

The genesis of Platonic Eros in Neoplatonism and Marsilio Ficino

Keywords: Eros, love, soul, being, One

Бойцов Александр Сергеевич
*кандидат биологических наук
независимый исследователь
Санкт-Петербург, Россия / Тривандрум, Индия
s.bronze@gmail.com*

Джадан Игорь Иванович
*независимый исследователь
Луганск, Украина; idzhadan@yandex.ru*

К вопросу о четырех типах эйдосов. Четырех ли?

В платоноведении с давних пор обсуждаются четыре типа платоновских эйдосов. Действительно, прямое указание на четыре различных рода с их основными особенностями содержится в диалоге Платона «Софист» (Sph.253de). Но возникает законный вопрос – почему эйдосов именно четыре типа? Только ли потому, что Платон увидел лишь их? А если он что-то не заметил? Ведь если основываться только на анализе языка и его понятий, то немудрено что-то упустить. А в других языках все может быть совсем иначе. Или причина лежит глубже? В докладе приводится обоснование того, что может и должно существовать четыре принципиально различных типа эйдосов. Другими словами, четыре типа эйдосов душе необходимы и достаточны для наведения порядка в мыслях и чувствах.

Эйдос здесь понимается как трансцендентальное условие восприятия вещи или идеи ума. Притом типы эйдосов характеризуются нами иначе, чем это было принято прежде. Что позволяет по-новому взглянуть на многие вещи. В частности, в докладе обсуждается связь платоновского ноэсиса с логикой. Под пристальным вниманием при этом оказывается различие непосредственного восприятия («схватывания») и восприятия, опосредованного рефлексией. Основной вывод состоит в том, что во всей умопостигаемой сфере единая логика. Он может показаться в некоторой степени тривиальным. Но не тривиально, что дианойя и ноэсис используют эйдосы разного типа.

Ключевые слова: Софист, эйдос, время, пространство, дианойя, ноэсис

Aleksandr S. Boitsov, Cand. of Sci. (Biology), independent researcher, Saint Petersburg, Russia / Trivandrum, India; s.bronze@gmail.com

Igor Dzhadan, independent researcher, Lugansk, Ukraine; idzhadan@yandex.ru

On the question of four types of eidos. Is it four?

Platonic studies have long discussed four types of eidos. Indeed, a direct reference to four different genders, with their main features, is contained in Plato's *Sophist* (Sph. 253de). But a legitimate question arises – why are there four types of eidos? Is it only because Plato recognized only them? What if he didn't notice something? After all, if you rely only on the analysis of the language and its concepts, then it is not surprising to miss something. But in other languages, things can be completely different. Or does the reason lie deeper? The report provides a rationale for the fact that there can and should be four fundamentally different types of eidos. In other words, the four types of eidos are necessary and sufficient for the soul to put things in order in thoughts and feelings.

Eidos is understood here as a transcendental condition for the perception of a thing or idea of the mind. Moreover, the types of eidos are characterized by us differently than it was previously accepted. Which allows you to look at many things in a new way. In particular, the report discusses the connection between Platonic noesis and logic. At the same time, close attention is paid to the difference between direct perception (“grasping”) and perception mediated by reflection. The main conclusion is that there is a single logic in the whole intelligible sphere. It may seem somewhat trivial. But it is not trivial that dianoia and noesis use fundamentally different eidos. That's the whole difference.

Keywords: *Sophist*, eidos, time, space, dianoia, noesis

Варламова Мария Николаевна
кандидат философских наук
Институт философии РАН
Санкт-Петербург; boat.mary@gmail.com

Пневма как инструментальная причина в комментарии Филопона на «О душе» Аристотеля¹

В этой статье я хочу обозначить проблему соотношения неразумной души и органического тела у Филопона. Согласно Филопону, растительная, неразумная и разумная души различаются не только по своим способностям, но и по своему подлежащему: подлежащим растительной души является органическое тело, подлежащим неразумной души – пневматическое тело, а разумной душе подлежит астральное тело. Однако эти тела и эти души, действуя в одном организме, образуют единое целое. В данном докладе я расскажу о том, как пневматическое тело и животная душа соотносятся с органическим, твердым телом.

Мои тезисы заключаются в следующем:

1) неразумная душа, по Филопону, является формой только для пневматического, а не для органического тела, с органическим же телом она соотносится как энтелехия – постольку, поскольку душа действует в этом теле как первое движущее;

2) соотношение неразумной души, пневмы и органического тела необходимо рассматривать в контексте аристотелевского представления о трехчастном движении, в котором есть двигатель, подвижное и инструментальная причина – то, чем двигатель движет движимое;

3) деятельность животного, а именно, чувство и движение по месту, согласно Филопону, обусловлено активной способностью души и пассивной способностью или пригодностью органического тела, при этом активная способность души может двигать органы и части тела только при содействии собственного подлежащего – пневмы;

¹ Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00094 «Проблема соотношения разума, души и тела в позднеантичных комментариях на Аристотеля». The present study is funded by RFBR, project number 20-011-00094 “Mind, Soul and Body Relations in Late Ancient Commentaries on Aristotle”.

4) сама пневма не является органическим телом и не может действовать отдельно от органического тела. Филопон описывает пневму как жидкость, которая подобна крови, но содержит больше воздуха. Также, как кровь, пневма содержит природное тепло и циркулирует по органическому телу, но не в артериях и венах, а в нервах и жилах;

5) пневма оказывается инструментальной причиной или посредником, с помощью которого способности чувствующей души движут органическое тело и, с другой стороны, также благодаря пневме душа получает впечатления от органов чувств.

При подготовке доклада я опираюсь на следующие источники: Комментарий Филопона на «О душе» Аристотеля, комментарий Филопона на «Физику» Аристотеля, а также трактаты Аристотеля «Физика», «О душе», «О движении животных».

Ключевые слова: душа, тело, пневма, движение, Филопон, Аристотель

Maria N. Varlamova, Cand. of Sci. (Philosophy), RAS Institute of Philosophy, Saint Petersburg; boat.mary@gmail.com

Pneuma as an instrumental cause in the Philoponus' Commentary on Aristotle's De Anima

According to Philoponus, three souls, which is vegetative non-rational and rational, differ not only in their powers but also in their matter: the matter of the vegetative soul is the organic body, the matter of the non-rational soul is the pneumatic body, and the astral body is the matter to the rational soul. However, these bodies and these souls, acting in one living being, form a single whole. My paper deals with the relation of pneumatic body and the non-rational soul to the organic, solid body.

My theses are:

1) The non-rational soul in Philoponus is a form of a pneumatic body, while an organic body has the vegetative soul as a form. Nonetheless, the non-rational soul is the actuality of an organic body as long as it moves the body as an unmoved mover.

2) I propose to consider the relation between the non-rational soul, pneuma and the organic body in the context of the Aristotelian description of three parts of motion. First is a mover, second is a moving body and third is an instrumental cause.

3) The animal activity, according to Philoponus, is conditioned by the active power of the soul and the passive capacity of the organic body, while the active power of the soul moves the organs and parts of the body only with the assistance of its own matter – pneuma.

4) Pneuma itself is not an organic body and cannot act separately from an organic body. Philoponus describes pneuma as a fluid that is similar to blood, but contains more air. Just like blood, pneuma contains natural heat and moves through the organic body in the nerves.

5) In Philoponus' theory of the soul pneuma plays a role of an instrumental cause or a mediator which transfers motion from the mover, which is the powers of the non-rational soul, to the bodily organs and parts. On the other hand, it is pneuma that delivers the impressions from the sense organs to the soul.

In my paper, I rely on the following sources: Philoponus *On Aristotle's on the Soul*, Philoponus *On Aristotle's Physics*, as well as Aristotle's treatises *Physics*, *On the Soul*, *On the Motion of Animals*.

Keywords: soul, body, pneuma, motion, Philoponus, Aristotle

Вахитов Рустем Ринатович

кандидат философских наук

Башкирский государственный университет

Уфа; Rust_R_Vahitov@mail.ru

Вульгарный марксизм до марксизма.
Спор Фрасимаха и Сократа в «Государстве» Платона
и социологизаторов и М.А. Лифшица

При чтении 1 книги «Государство» Платона, где софист Фрасимах, споря с Сократом, отстаивает мысль, что «справедливость есть выгода сильнейшего», трудно отделаться от впечатления, что этот спор напоминает нечто, гораздо более близкое к нам во времени, нежели античная философия. Если вдуматься, понимаешь, что утверждения Фрасимаха не что иное как тот самый «вульгарный марксизм», который так остроумно и глубоко критиковал Мих. Лифшиц. Напомню, что суть тирад Фрасимаха такова: то, что люди наивно считают универсальной справедливостью, и что лежит в основе законов, которые должно исполнять всем членам общества – это то, что объявил справедливым правитель, «сильнейший» или господствующая социальная группа. А они объявляют справедливым то, что им выгодно, так что простые, «недалекие» люди считают выгодным и справедливым для всех... выгоду «сильнейшего». Это, действительно, очень похоже на рассуждение какого-нибудь вульгарного марксиста-социологизатора вроде Фриче, который бы только добавил несколько «истматовских» терминов: не существует справедливости вообще, представления о справедливости – часть идеологии, которая в классовом обществе выражает интересы господствующего класса.

Позиция Лифшица, развивающего классическую теорию абсолютной истины (которую он отождествляет с философской позицией В.И. Ленина), конечно, иная: не все в философии и в искусстве – идеология. Кроме идеологических искажений, имеется, особенно если речь о настоящих философах и настоящих художниках, и отражение универсальной справедливости как социального аспекта абсолютной истины. Любая, самая плохая власть, даже вопреки своему эксплуататорскому характеру, все равно организует элементарные мероприятия по поддержанию порядка в обществе. В этом состоит

общеэзначимый момент ее деятельности. В этом смысле власть заботится не только о сильнейших (хотя классовая власть преимущественно занимается именно этим), но и о слабейших. И если она этого не будет делать, то ее никчемность станет большинству очевидной и она неизбежно рухнет. Здесь марксизм в ленинистско-лифшицианском варианте сближается с платонизмом (у которого сам Лифшиц советовал брать уроки).

При этом выясняется, что своеобразный «вульгарный марксизм»... древнее марксизма! Прimitивное учение о том, что никаких высших идеалов нет, есть только «драка за еду и власть» (А.Ф. Лосев), а «высшие идеалы» – лишь орудия этой драки, восходит не к Марксу (хотя при желании, вырывая из контекста, расширительно комментируя, подобное можно и у Маркса найти), а как минимум – к греческим софистам. И в силу своего примитивизма, древности и распространенности такие взгляды понятнее аутентичного марксизма, который связан не столько со старыми как мир вульгаризмами, сколько с переосмыслением философии Гегеля.

Ключевые слова: вульгарный марксизм, марксизм, Платон, «Государство», Фрасимах, Сократ, софисты, М.А. Лифшиц, литературоведы-социологизаторы, релятивизм, проблема истины

Rustem R. Vakhitov, Cand. of Sci. (Philosophy), Bashkir State University, Ufa; Rust_R_Vahitov@mail.ru

Vulgar marxism until marxism
The dispute between Thrasymachus and Socrates
in the “Republic” of Plato
and the Sociologizers and MA Lifshitz

When reading Book 1 of Plato’s “Republic”, where the sophist Thrasymachus, arguing with Socrates, defends the idea that “justice is the benefit of the strongest”, it is difficult to get rid of the impression that this dispute resembles something much closer to us in time than ancient philosophy. If you think about it, you realize that the statements of Thrasymachus are nothing but the very “vulgar Marxism” that so wittily and deeply criticized the Mih. Lifshitz. Let me remind you that the essence

of Thrasymachus's tirades is as follows: what people naively consider universal justice, and what underlies the laws that all members of society must comply with, is what the ruler, the "strongest" or the dominant social group declared fair. And they declare fair what is beneficial to them, so that simple, "narrow-minded" people consider it beneficial and fair for everyone... the benefit of the "strongest". This, indeed, is very similar to the reasoning of some vulgar Marxist sociologists like Vladimir Friche, who would only add a few "Isthmian" terms: there is no justice at all, the idea of justice is part of the ideology that expresses the interests of the ruling class in a class society.

The position of Lifshitz, who develops the classical theory of absolute truth (which he identifies with the philosophical position of VI Lenin), of course, is different: not everything in philosophy and art is ideology. In addition to ideological distortions, there is, especially if we are talking about real philosophers and real artists, and a reflection of universal justice as a social aspect of absolute truth. Any, the worst government, even in spite of its exploitative nature, still organizes elementary measures to maintain order in society. This is the generally significant moment of its activity. In this sense, the government cares not only about the strongest (although the class government is mainly engaged in this), but also about the weakest. And if she does not do this, then her worthlessness will become obvious to most and she will inevitably collapse. Here Marxism in the Leninist-Lifshitzian version approaches Platonism (from which Lifshitz himself advised taking lessons).

At the same time, it turns out that a kind of "vulgar Marxism"... older than Marxism! The primitive doctrine that there are no higher ideals, there is only a "fight for food and power" (AF Losev), and "higher ideals" are only tools of this fight, does not go back to Marx (although, if desired, taking out of context, commenting broadly, you can find this in Marx), but at least – to the Greek sophists. And because of their primitivism, antiquity and prevalence, such views are clearer than authentic Marxism, which is associated not so much with world-old vulgarisms as with a rethinking of Hegel's philosophy.

Keywords: vulgar Marxism, Marxism, Plato, "Republic", Thrasymachus, Socrates, sophists, MA Lifshitz, literary sociologists, relativism, the problem of truth

Волкова Надежда Павловна
кандидат философских наук,
Институт философии и права СО РАН
Москва; go2nadya@gmail.com

Аристотелевская интерпретация тезиса Протагора и учение Анаксагора о гомеомериях¹

В докладе будет рассмотрена интерпретация тезиса Протагора (ТП), данная Аристотелем в «Метафизике» Г: «Есть те (физики. – *Н. В.*), кто говорит, что (1) одна и та же вещь может быть и не быть, и что (2) можно так полагать. Мы же считаем, что одна и та же вещь не может быть и не быть, и было показано, что это самое прочное из всех начал (*βεβαιότατη αὐτῆ τῶν ἀρχῶν πασῶν*)» (*Metaph.* 1005 b 35 – 1006 a 5). Под самым прочным началом Аристотель имеет в виду принцип противоречия (ПП), который сформулирован несколькими строками выше: «невозможно, чтобы одно и то же одновременно и было и не было присуще одному и тому же в одном и том же отношении (*ὁ γὰρ αὐτὸ ἅμα ὑπάρχειν τε καὶ μὴ ὑπάρχειν ἀδύνατον τῷ αὐτῷ καὶ κατὰ τὸ αὐτό.*)» (*Metaph.* 1005 b 18–20). В качестве начала, которое иначе Аристотель называет аксиомой, ПП лежит в основании вообще *всех* доказательств. Как и всякое начало, ПП «необходимо знать», потому что он является условием возможности всякого познания, являясь «по природе началом для всех других аксиом» (*Metaph.* 1005 b 31–34). Хотя ПП нельзя доказать, можно привести косвенные аргументы в его пользу, например, т.н. опровергающее доказательство, суть которого в том, чтобы показать, что утверждение, противоречащее ПП, не имеет смысла, ведь тот, кто утверждает, что нечто и существует, и не существует одновременно, на самом деле ничего не высказывает. «Слова быть и не быть имеют определенное значение, так что все не может быть таким и не таким (*ὅτι σημαίνει τὸ ὄνομα τὸ εἶναι ἢ μὴ εἶναι τοδί, ὥστ' οὐκ ἂν πᾶν οὕτως καὶ οὐχ οὕτως ἔχου*)» (*Metaph.* 1006 a 28–31). Например, если слово человек нечто означает, пусть это будет двуногое животное, то, если нечто есть человек,

¹ Работа выполнена при поддержке РФФ проект № 19-18-00128 «Античная эпистемология: элеаты, софисты, Платон в новых интерпретациях».

то его бытие, бытие человеком, будет состоять в именно том, чтобы быть двуногим животным. Если на вопрос о том, что перед нами, ответить человек и не человек, это все равно, что ничего не сказать. Отсюда Аристотель переходит к новой интерпретации ТП: «если относительно одного и того же вместе было бы истинно все противоречащее одно другому, то ясно, что все было бы одним» (*Metaph.* 1007b 18). Аристотель поясняет это утверждение на следующем примере: «Одно и то же было бы и триерой, и стеной, и человеком, раз относительно всякого предмета можно нечто одно и утверждать, и отрицать» (*Metaph.* 1007 b 20–23). В отличие от Платона за тезисом Протагора Аристотель усматривает не только учение Гераклита, но и Анаксагора, потому что учение о гомеомериях отрицает саму возможность построения субъектно-предикатной пропозиции.

Ключевые слова: Анаксагор, Платон, Аристотель, тезис Протагора, принцип противоречия

Nadezhda P. Volkova, Cand. of Sci. (Philosophy), Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of RAS, Moscow; go2nadya@gmail.com

Aristotelian interpretation of Thesis of Protagoras and Anaxagoras' doctrine of homoeomerous

This report considers the interpretation of Protagoras' Thesis (TP) given by Aristotle in *Metaphysics* Γ: “There are some who, as we said, both themselves assert that it is possible for the same thing to be and not to be, and say that people can judge this to be the case. And among others many writers about nature use this language. But we have now posited that it is impossible for anything at the same time to be and not to be, and by this means have shown that this is the most indisputable of all principles. (βεβαιοτάτη αὕτη τῶν ἀρχῶν πασῶν)» (*Metaph.* 1005 b 35 – 1006 a 5). By the most indisputable principle Aristotle means the principle of non-contradiction (PNC), which was formulated a few lines above: “It is impossible that contrary attributes should belong at the same time to the same subject (ὁ γὰρ αὐτὸ ἅμα ὑπάρχειν τε καὶ μὴ ὑπάρχειν ἀδύνατον

τῷ αὐτῷ καὶ κατὰ τὸ αὐτό) ”(*Metaph.* 1005 b 18–20). As one of the first principles, which otherwise Aristotle calls an axiom, PNC is a basis of all proofs in general. Like all first principles, PNC “must be known” because it is a condition for the possibility of knowledge. Although PNC cannot be proven, indirect arguments can be made in its favor. Aristotle proposed so-called negative demonstration, which proves that the statements contradicting PNC, i.e. TP, do not have any sense. Anyone who claims that something both exists and does not exist at the same time and in the same sense, in fact, does not say anything. “that the word ‘be’ or ‘not be’ has a definite meaning, so that not everything will be ‘so and not so’ (ὅτι σημαίνει τὸ ὄνομα τὸ εἶναι ἢ μὴ εἶναι τοδί, ὥστ’ οὐκ ἂν πᾶν οὕτως καὶ οὐχ οὕτως ἔχοι (*Metaph.* 1006 a 28-31). For example, if the word ‘man’ means something, let this be ‘two-footed animal’, then if something is a man, then his being, being a man, will consist in exactly being two-footed animal. Then Aristotle proceeds to a new interpretation of TP: “if all contradictory statements are true of the same subject at the same time, evidently all things will be one” (*Metaph.* 1007b 18). Aristotle explains this statement with an example: “For the same thing will be a trireme, a wall, and a man, if of everything it is possible either to affirm or to deny anything” (*Metaph.* 1007 b 20-23). This example connected with Anaxagoras’ doctrine of homoeomerous. Unlike Plato, behind TP Aristotle guessed not only the doctrine of Heraclitus, but also Anaxagoras, because it denies the very possibility of constructing a subject-predicate proposition.

Keywords: Anaxagoras, Plato, Aristotle, Thesis of Protagoras, Principle of Non-Contradiction

Вольф Марина Николаевна
доктор философских наук,
Институт философии и права СО РАН
Новосибирск; rina.volf@gmail.com

«Парменид» Платона и неконсистентность мира

Хорошо известна установка античной философии на неприемлемость противоречия, которая у элеатов играла роль методологического принципа познания вещей и объектов мира (не высказываний о них) и обосновывалась через непротиворечивость истинного мышления. Однако эта установка не исключает расхождений между логической и фактической обоснованностью. Фактическая обоснованность может представляться как аргументация через мнение, *доксу*, которое свидетельствует о некотором факте «здесь и сейчас» для собравшихся очевидцев и представляет собой объяснение для некоторого случая, не требующее *эпистемы* (необходимого знания или знания, влекущего истину). Такой подход нивелирует различие между знанием и истинным мнением, ср. «Менон» и всю аргументацию в «Пармениде», которая не влечет и не требует обоснованного истинного мнения, более того, логика диалога не является нейтральной к онтологии и допускает неконсистентность универсума и его объектов (ср. аргумент «то и другое вместе» у софистов). В докладе мы покажем, что «Парменид» может быть интерпретирован с позиции такой концепции знания, которая не требует безусловности *эпистемы* и консистентности мира, и допускает два принципа противоречия, – абсолютный принцип противоречия Парменида – человека, не допускающий никаких противоречий, и принцип, свойственный для «Парменида» – диалога, который различает различные уровни реальности противоречивых объектов (причем, опять таки речь идет об объектах, а не о высказываниях о них).

Ключевые слова: «Парменид», эпистема, докса, неконсистентность

Marina N. Volf, Dr. of Sci. (Philosophy), Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk; rina.volf@gmail.com

Plato's Parmenides and inconsistency of the universe

The point about the failure of contradiction in ancient philosophy is well known. Eleatics used it as a methodological principle of the knowledge the objects (not proposition) which was justified through the consistency of true thinking. However, this principle does not exclude differences between logical and factual validity. Factual validity could be presented as argumentation through belief, *doxa*, which testifies to the fact "here and now" for the witnesses get together and provides an justification for a certain case that does not require *episteme* as a truth-entailed or necessary knowledge. This approach neutralizes the difference between knowledge and true belief, cf. definition of knowledge in *Meno* and the whole argument in *Parm.* which not entail or imply true belief, moreover, its logic not neutral to ontology, and allows for the inconsistency of the world(s) and its objects (cf. the argument "both the one and the other" of the sophists). In the report we will show that *Parm.* could be interpreted from the standpoint of such a concept of knowledge that does not require the unconditionality of the *episteme* and the consistency of the world, with allowing two principles of contradiction, absolute Parmenidean principle and *Parmenidean* principle for the different degrees of reality of the contradictory objects (not a proposition about them).

Keywords: Plato's Parmenides, *episteme*, *doxa*, inconsistency

Гончарко Дмитрий Николаевич

кандидат философских наук

Российский государственный педагогический

университет им. А.И. Герцена

Санкт-Петербург; goncharko@list.ru

Гончарко Оксана Юрьевна

кандидат философских наук

Русская христианская гуманитарная академия

Национальный исследовательский университет ИТМО

Санкт-Петербург; goncharko_oksana@mail.ru

Речь Аспазии в «Менексене»:
вымысел, ирония, драматургия?¹

Аспазия исторически известна как ритор, одна из представителей софистического направления философии, создательница «периклова философского салона». Обучала Сократа риторике, была женой Перикла, а также является одной из всего лишь двух женщин, героинь диалогов Платона, которых платон удостоивает прямой речи, хоть и в пересказе Сократа. Помимо Платона существуют и другие античные авторы, из текстов которых можно сделать вывод, что Аспазия участвовала в публичной жизни Афин, могла риторически воздействовать на различные политические решения, либо влиять на публичную оценку тех или иных исторических событий. В частности ее критиковали за то, что она могла стоять за некоторыми непопулярными решениями Перикла. Помимо платоновского «Менексена», она упоминается у Ксенофонта, у Эсхина Сократика есть диалог «Аспазия» (не сохранившийся, но упомянутый у Плутарха и Цицерона), у сократика Антисфена тоже был диалог «Аспазия» (сохранились несколько фрагментов). Дебра Нейлз дает более восьми независимых источников, упоминающих Аспизию в том или ином контексте. Впрочем, историки, например, Мадлен Хенри,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00885 «Гендерная ревизия истории философии».

The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-011-00885 “Gender Revision of the History of Philosophy”.

допускают, что информация о жизни и занятиях Аспазии могла быть выдумана всеми этими авторами в совокупности.

Что касается непосредственно платоноведения, то мнения исследователей относительно риторического, литературного и даже политического статуса речи Аспазии в «Менексене» разделились. Часть авторов полагает, что «Менексен» это сатирический диалог, иронизирующий над Аспазией и «ее» речью. Другие авторы полагают, что ирония Платона настолько тонкая, что местами перемежается с вполне себе неироническими частями, которые сложно отличить от иронических. Ирония же зависит от различных исследовательских интерпретаций (например, у М. Поленца, А.Е. Тейлора, П. Хьюбай, М.Э. Вейт, П. Фридландера и других). В любом случае, практически все современные исследователи сходятся на том, что данный диалог представляет собой нечто большее, чем просто сатира. Например, Макс Поленц полагает, что Платон пытался скорректировать критику Эсхином Аспазии и поэтому приводил не вымышленную речь, а вполне реальную ее речь, как бы признавая ее существенное влияние на развитие софистической риторики в Афинах, хотя вполне возможно должен был бы ее критиковать в свете вреда риторики и софистики (речей убеждающих, а не иронических) как философского направления.

Мы же в докладе попробуем предложить свою интерпретацию драматического статуса речи Аспазии в «Менексене», которая исходит из следующих положений: 1) речь Аспазии в платоновском диалоге лишь частично совпадает с соответствующей ей речью Перикла, поэтому для нас важно обратить внимание на те части речи, которые привносит Платон, чтобы речь стала достойной его внимания и создания диалога; 2) по крайней мере в диалоге «Менексен» Платон скорее симпатизирует Аспазии, чем ее критикует или тем более подвергает сатире; 3) мы предлагаем интерпретировать форму высказывания Аспазии в «Менексене» скорее как «свободную речь» (*πάρεσις*) в понимании Мишеля Фуко.

Ключевые слова: Аспазия, Платон, «Менексен»

Dmitry N. Goncharko, Cand. of Sci. (Philosophy), Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg; goncharko@list.ru

Oksana Yu. Goncharko, Cand. of Sci. (Philosophy), Russian Christian Academy for the Humanities, National Research University ITMO, Saint Petersburg; goncharko_oksana@mail.ru

Aspasia's speech in *Menexenus*:
fiction, irony, drama?

Aspasia is historically known as a rhetorician, one of the representatives of the sophistic, Socrates' teacher of rhetoric, the wife of Pericles. She is also one of only two women, the heroines of Plato's dialogues, who are the speakers, albeit by Socrates retelling her speech. In addition to Plato, there are other ancient authors who mention Aspasia's participation in the public life of Athens or her possible political influence. In particular, she was criticized for some of Pericles' unpopular decisions. Debra Nails gives more than eight independent sources that mention Aspasia in that context. However, historians, for example Madeleine Henry, admit that information about the life of Aspasia could have been invented by all of these authors together.

Within the framework of Platonic studies, the opinions of researchers regarding the rhetorical and even political status of Aspasia's speech in *Menexenus* were as follows: some authors believe that *Menexenus* is a satirical dialogue, other believe that Plato's irony is sometimes so subtle that it is interspersed with quite non-ironic parts that are difficult to distinguish from ironic ones.

In the talk, we will try to offer our own interpretation of the dramatic status of Aspasia's speech in *Menexenus*, which proceeds from the following provisions: 1) Aspasia's speech in Plato's dialogue only partially coincides with the corresponding speech by Pericles, therefore it is important for us to pay attention to those parts of speech, which Plato introduces himself to make this speech worthy of attention and dialogue creation; 2) at least in the dialogue *Menexenus*, Plato rather sympathizes with Aspasia than criticizes her; 3) we propose to interpret the status of Aspasia's speech in *Menexenus* in terms of "free speech" (πῦρεσις) in the sense suggested by Michel Foucault.

Keywords: Aspasia, Plato, *Menexenus*

Гончарко Оксана Юрьевна
кандидат философских наук
Русская христианская
гуманитарная академия Санкт-Петербург;
goncharko_oksana@mail.ru

Платоновский диалог как жанр и его рецепция в Византии и России XVIII–XIX вв.¹

Доклад посвящен исследованию взаимоотражения традиций платоновского диалога в византийской (IV–XII вв.) и русской (XVIII и XIX вв.) рецепциях этого жанра. Предлагается провести сопоставление в основном на примере диалогов о бессмертии души, восходящих к платоновскому диалогу «Федон». Однако, помимо рецепции «Федона» в докладе будет рассмотрена в целом византийская и российская история этого жанра, в рамках которых происходило восприятие и других платоновских диалогов (например, «Пира», «Тимея», «Геэтета», «Федра» и «Парменида»). Основными византийскими источниками, упоминающимися в докладе, являются диалоги «О душе и воскресении» (Περὶ Ψυχῆς καὶ Ἀναστάσεως) Григория Нисского, «Феофраст, или о том, что предсуществования людей нет, и что душа бессмертна (Θεόφραστος, ἢ ὅτι οὐκ ἔστιν ἀνθρώπων προβιότη καὶ ὅτι ἀθάνατος ἡ ψυχή) Энея Газского, «О свободе воли» (Περὶ τοῦ αὐτεξουσίου) и «Пир десяти дев, или О целомудрии» (Συμπόσιον ἢ περὶ ἀγνείας) Мефодия Олимпийского, «Аммоний, или о том, что мир не совечен Богу» (Ἀμμώνιος, ἢ ὅτι οὐ συναΐδιος τῷ θεῷ ὁ κόσμος) Захария Схоластика, «Ксенедем, или Гласы» (Ξενέδημος ἢ Φωναί) Феодора Продрома, «Феофил и Иерокл» (Γεροκλῆς καὶ Θεόφιλος) Евстафия Солунского и диалог, дошедший до нас без названия, между «любящим истину» (Φιλαλήθης) и «любящим обычай» (Φιλοσυνήθης) Евстратия Никейского, а российскими источниками – сочинения «О душах умерших людей» А.Т. Болотова и «Разговор о бессмертии души» М.М. Щербатова. На основании сопоставленного материала были получены следующие предварительные результаты.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 18-78-10051, «Византийский фактор в формировании русской логической традиции».

1. Интерес к традиции платоновского диалога и к античной философии в целом как в Византии в IV–XII вв., так и в русской философии XVIII–XIX вв. обусловлен не только влиянием общего для них восточно-христианского наследия, но и в случае философии в России в XVIII–XIX вв. – влиянием европейской философии эпохи Просвещения. Обращение к Платону для авторов этих эпох является способом примирить философию и христианство или сформулировать основные христианские идеи на языке философских понятий античности, который деятели этих эпох с интересом для себя впервые открывают.

2. Традиция платоновского диалога в России имеет ряд сходных черт с соответствующей традицией в византийском платонизме. Платоновский диалог, будучи помещенным в контекст христианской доктрины, претерпевает ряд трансформаций как с точки зрения содержания (апелляция к истине, данной в Откровении), так и с точки зрения формы (размывание собственного диалектического характера поиска истины и его эволюция в сторону средневекового диспута и даже догматизма).

3. Обращение к социально-антропологическому контексту в русских и к богословско-антропологическому – в византийских «платоновских» диалогах может быть проинтерпретировано как характерная черта восточно-христианской философской традиции.

Ключевые слова: жанр платоновского диалога, Платон, «Федон», «Пир»

Oksana Yu. Goncharko, Cand. of Sci. (Philosophy), Russian Christian Academy for the Humanities, Saint Petersburg; goncharko_oksana@mail.ru

Platonic Dialogue as a Genre and its Reception in Byzantium and Russia in the 18th – 19th centuries

The talk is devoted to the study of the relationship between the traditions of Plato's dialogue in the Byzantine (6–12 centuries) and Russian (18 and 19th centuries) receptions of this genre. It is proposed to make a comparison mainly based on the example of dialogues on the immortality

of the soul, dating back to Plato's dialogue *Phaedo*. However, in addition to the reception of *Phaedo*, the entire Byzantine and Russian history of this genre is considered within the context of other Platonic dialogues reception. The main Byzantine sources mentioned in the talk are the dialogues *Περὶ Ψυχῆς καὶ Ἀναστάσεως* by Gregory of Nyssa, *Θεόφραστος, ἢ ὅτι οὐκ ἔστιν ἀνθρώπων προβιοτὴ καὶ ὅτι ἀθάνατος ἡ ψυχὴ* by Aeneas of Gaza, *Περὶ τοῦ ἀντεξουσίου* and *Συμπόσιον ἢ περὶ ἀγνείας* by Methodius of Olympus, *Ἀμμώνιος, ἢ ὅτι οὐ συναΐδιος τῷ θεῷ ὁ κόσμος* by Zacharias Scholasticus, *Ἐνέδημος ἢ Φωναί* by Theodoros Prodromos, *Φιλαλήθης καὶ Φιλοσυνήθης* by Eustratius of Nicaea, and Russian sources – the works *On the Souls of Dead* (*Ο δυшах умерших людєй*) by A.T. Bolotov and *Conversation on the Immortality of the Soul* (*Разговор о бессмертiи души*) by M.M. Shcherbatov. The following preliminary results were obtained through the careful comparison:

(1) The Platonic dialogue tradition in Byzantine and in Russian philosophy results from the influence of the Eastern Christian heritage. In the Russian case, it is supplemented by the influence of the European philosophy of Enlightenment. Using Platonic ideas, the authors of these epochs tried to reconcile philosophy and Christianity and to interpret the main Christian dogmata using the language of ancient philosophy.

(2) The Russia Platonic tradition is similar to the corresponding Byzantine tradition. Within the framework of the Christian doctrine, Platonic dialogue genre transforms both in its content and in its form.

(3) The social and anthropological ideas in Russian Platonic genre texts and the theological and anthropological ideas in Byzantine Platonic dialogues should be reinterpreted in terms of the Eastern Christian philosophical tradition.

Keywords: genre of Platonic dialogue, Plato, *Phaedo*, *Symposion*

Гравина Ирина Викторовна

кандидат философских наук

НИУ ВШЭ

Москва; ei-rene@ya.ru

Единое Лосева – многое Делеза:
К вопросу интерпретаций платонизма

Доклад ставит своей задачей показать некоторые пути деконструкции платонизма в русской и европейской философии XX в. На первый взгляд тема сопоставления мыслей отечественного философа А.Ф. Лосева и француза Жюль Делеза, как и вообще европейской постмодерной традиции, может показаться несколько натянутой – слишком разные философские традиции, слишком мало пересечений. Русская религиозная философия считается классическим метафизическим проектом, Делезианская мысль – наоборот, оппонирует классике и уводит культуру в пост-классическую, пост-модерную. Кроме того, русскую философию негласно принято считать мировоззренческим оплотом традиционных ценностей, которые, как считается, разрушаются в рамках постмодерна. Иными словами, тема взаимодействия русской религиозной философии и постмодерна полемически заострена в рамках мировоззренческих дискуссий, которые мне как раз не представляются столь интересными и мне хотелось бы оставаться в рамках сугубо философских вопрошаний вне зависимости от этических оценок систем. А именно – посмотреть на то, как русский и европейский мыслитель трактуют фундаментальную для философии платоническую категорию первоначала. Оба проекта возникли в XX в. и представляют собой разные точки зрения на одну и ту же проблему. Целью доклада является попытка показать, что Лосевская мысль не столь однозначна и классична, как ее можно представлять, а мысль Делеза, не столь деструктивна с точки зрения классической метафизики, как ее иногда представляют.

Будет показано, что Лосевское прочтение платонизма и прочтение платонизма Делезом базируются на разных источниках. Делез читает платонизм через стоиков и критику Ницше, Лосев – через неоплатоников, немецкую классику и неокантианцев. В конечном итоге они получают разные образы Платона – Делез ироничного, который «низвергает самого себя», Лосев – системного, в котором он

видит не просто дискуссии о сущности мироздания, но предтечу для построения системы категорий и принципов познания. Отмечено, что Единое Делеза похоже на спинозовский Абсолют. Бытие-Единое лежит в основе всех различий, различия же носят формальный, а не онтологический характер, в связи с чем все в этом мире равно другому. Монизм Делеза имманентный. Платон Лосева это, напротив, Платон неоплатоников, из которого он выстраивает систему, которой явно не было в платоновских текстах (чего стоят его «Очерки античного символизма и мифологии», где платонизм рассматривается Лосевым через методологию феноменологии, трансцендентализма и диалектики).

Кроме того, будет подчеркнuto, что Лосевское прочтение платонизма есть не просто интерпретация, но деконструкция, заглавным методом которой является прочтение истории философии в свете проблемы первопринципа. Этот же аспект стал очень важным и для постмодерной традиции так называемого проекта «деструкции платонизма», который был предпринят, в первую очередь, Жилем Делезом и Жаком Деррида. В докладе так же пойдет речь о деконструкции платонизма в работах Р. Шурмана, обращавшегося к проблеме первоначала и осмыслению ее значения для истории философии.

Таким образом, будет сделан вывод о том, что мы имеем дело с разными актуальными прочтениями Платона, которые по-своему отвечают на критику и кризис метафизики XX века.

Ключевые слова: платонизм, А.Ф. Лосев, проблема Единого, Жиль Делез, деконструкция, генология, Райнер Шурман

Irina V. Gravina, Cand. of Sci. (Philosophy), VShE, Moscow; ei-rene@ya.ru

The aim of this paper is to show some ways of deconstructing Platonism in Russian and European philosophy of the twentieth century. At first sight, the topic of comparing the thoughts of the Russian philosopher A.F. Losev and the Frenchman Gilles Deleuze, as well as the European postmodern tradition in general, may seem somewhat strained: too different philosophical traditions, too little overlap. Russian religious philosophy is considered a classical metaphysical project, while

Deleuze's thought, on the contrary, opposes the classical and takes the culture to the post-classical, post-modern. In addition, Russian philosophy is tacitly regarded as a worldview stronghold of traditional values, which are thought to be destroyed by the postmodern. In other words, the subject of interaction between Russian religious philosophy and the postmodern is polemically sharpened within the framework of worldview discussions, which I do not find so interesting and would like to remain within the framework of purely philosophical questions, regardless of the ethical assessments of the systems. Namely, I would like to look at how Russian and European thinkers interpret the Platonic category of the primordial, which is fundamental to philosophy. Both projects emerged in the twentieth century and represent different perspectives on the same problem. The aim of the paper is to try to show that Losev's thought is not as unambiguous and classical as it may be presented, and that Deleuze's thought is not as destructive from the point of view of classical metaphysics as it is sometimes presented.

It will be shown that Losev's reading of Platonism and Deleuze's reading of Platonism are based on different sources. Deleuze reads Platonism through the Stoics and Nietzsche's critique, while Losev reads Platonism through the Neoplatonists, the German classics, and the neo-Kantians. In the end, they get different images of Plato – Deleuze ironic, who “overthrows himself”, Losev systematic, in whom he sees not just a discussion of the essence of the universe, but a forerunner for the construction of a system of categories and principles of knowledge. Deleuze's Oneness is similar to Spinoz's Absolute. The Being-Single is the basis of all distinctions; distinctions are formal, not ontological, and therefore everything in this world is equal to another. Deleuze's monism is immanent. By contrast, Losev's Plato is the Plato of the Neoplatonists, from which he constructs a system that clearly did not exist in Plato's texts (worth his «Essays on Antique Symbolism and Mythology», where Losev views Platonism through the methodology of phenomenology, transcendentalism, and dialectics).

Besides, it will be emphasized that Losev's reading of Platonism is not just interpretation, but deconstruction, the main method of which is the reading of the history of philosophy in the light of the problem of the first principle. The same aspect became very important also for the postmodern tradition of the so-called project of “deconstruction of Platonism” which was undertaken first of all by Gilles Deleuze and Jacques Derrida. The paper will also deal with the deconstruction of Platonism in the works

of R. Schurman, who also addressed the problem of the primordial and comprehended its significance for the history of philosophy.

Thus we will conclude that we are dealing with different topical readings of Plato, which respond in their own way to the criticism and crisis of twentieth-century metaphysics.

Keywords: platonism, A.F. Losev, problem of the One, Gilles Deleuze, deconstruction, henology, Rainer Schurman

Гурьянов Илья Геннадьевич

кандидат философских наук,

ИОН РАНХиГС

Москва, ilgur@yandex.ru

«Психология времени»
в ландшафте знания раннего Нового времени¹

Существует консенсус, что ключевым изменением в картине мира человека Нового времени, а значит и в восприятии темпоральных понятий, стала замена Аристотелевского понимания физического космоса (пусть и по-разному толковавшегося его комментаторами) на экспериментально-математическое естествознание, ключевой фигурой в становлении которого является Ньютон. Именно он в схолии к своим «Математическим началам натуральной философии» предложил различать абсолютное или математическое время и относительное время, то есть время в общепринятом смысле слова как чувственно воспринимаемую и внешне измеримую с помощью движения длительность. Только понятие о первом, согласно Ньютону, является истинным и соотносимым с научным познанием. Тем самым вопрос о влиянии души на природу времени, а также способах нашего восприятия и интериоризации времени был на долгие годы отодвинут на периферию научного и философского дискурса (возрождение интереса к нему началось, вероятно, лишь в феноменологии Гуссерля, а сейчас он активно дискутируется и в аналитической философии). Контекстуализация темпоральной проблематики в рамках учения о душе в доньютоновскую эпоху была обусловлена знаменитой ремаркой Аристотеля в 4-й книге «Физики» (223a21–a29), что без души время не может существовать, хотя может существовать движение, атрибутом которого является время. Этот лаконичный фрагмент толковался эллинистическими, средневековыми и ранненововременными комментаторами в том духе, что время каким-то образом зависит от души или «конструируется» ею. При этом представление о вечности (и загадочном *ἀτεῖρον χρόνον*), как оно выражено в «О небе» (283b26–29), оказывалось словно бы

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00366.

за пределами «психологического» понимания времени. Однако переход от подобной перипатетической философии времени (конечно, же отнюдь не единообразно истолкованной философами-схоластами) к абсолютному времени, охватывающему все мироздание, представляется слишком уж резким, поскольку само понятие души для Аристотеля было локализовано в сфере подлунного мира. Я полагаю, что важным передаточным звеном в этом процессе была платоническая натурфилософия эпохи Возрождения, переосмыслившая само понятие души: «расширившая» ее до границ универсума благодаря понятию мировой души.

В настоящем докладе я рассмотрю представления о времени и душе флорентийского философа-платоника Марсилио Фичино. Прежде всего, я проанализирую его комментарий на знаменитое место в диалоге «Тимей» (37d), где говорится о творении времени. Фичино отождествляет вечность с «умопостигаемым кругом» (*intelligibili cardine*), который актуально пребывает в неподвижном состоянии, а время – с мировой душой, которая через множество действий (*actibus*) постоянно обращает себя вокруг этой оси. В силу подобия небосвод приводится в круговое движение уже мировой душой и «перенимает время от времени». Рассмотрение других произведений флорентийца показывает, что душа человека своей разумной частью никогда не теряет связи с мировой душой, однако низшими частями взаимодействует с явлениями, имеющими смысл только в контексте линейного понимания времени: например, с предустановленной провидением очередностью порождения тел.

Ключевые слова: Фичино, мировая душа, время, вечность

Ilya G. Guryanov, Cand. of Sci. (Philosophy), Institute for Social Sciences of RANEPА, Moscow; ilgur@yandex.ru

‘Psychology of Time’ in the landscape of Early modern knowledge

There is a consensus that the key change in Early Modern world-view, and thus in the usage of temporal concepts, was the replacement of the Aristotelian physical world view with the experimental mathemati-

cal natural science. The Newtonian view is concisely presented in the famous passage in the scholium that follows the eighth definition in his *Principia Mathematica* of 1687. Newton claims that a distinction must be drawn between relative, phenomenal, conventional time, on the one hand, and absolute, true, mathematical time, on the other. Thus, questioning the nature of the soul and its relation to the time, as well as the way we perceive and interiorize the temporal concepts (before, now, after, eternity, duration, etc.), had been pushed to the periphery of scientific and philosophical discourse. The revival of interest in this subject likely began only in Husserl's phenomenology, and now it is actively debated in analytical philosophy as well. The attention devoted to the relationship between time and the soul in the pre-Newtonian era was determined by Aristotle's famous remark in Book 4 of his *Physics* (223a21–a29) which states enigmatically that “it is impossible for there to be time unless there is soul, but only that of which time is an attribute, i.e. if movement can exist without soul.” Moreover, the notion of eternity (and the enigmatic ἄπειρος χρόνος), as expressed in *On Heaven* (283b26-29), appeared as if outside the “psychological” understanding of time. However, the transition from such a Peripatetic philosophy of time (of course, not uniformly interpreted by Scholastic philosophers) to absolute time covering the entire universe seems too since Aristotle views the soul as a local phenomenon of the sublunary world. I argue that the Platonic Natural Philosophy in the Renaissance, extending the very notion of soul to cover the whole universe thanks to the concept of the world soul, was an important point in this process.

In my paper I will examine Ficino's ideas about time and soul. In his commentary on the famous passage in the *Timaeus* (37d), Ficino identifies eternity with the “intelligible axis” that is always engaged in the same action, and time – with the world soul perpetually rotating about that axis by multiple actions. In other works he shows that the human soul through its rational part stays connected to the world soul but, through its lower parts it interacts with the phenomena which relate to linear understanding of time: for instance, with the sequence of the creation of bodies, prearranged by the Providence.

Keywords: Ficino, world soul, time, eternity

Первое издание полного собрания сочинений Платона в Англии

Изучение традиции платонизма в Англии не может быть плодотворным без обращения к первому полному собранию сочинений Платона и к наследию его переводчиков и исследователей Флойера Сиденхема и Томаса Тейлора. В 1804 г. в Лондоне вышло в свет полное издание работ Платона в пяти томах. Оно включало в себя пятьдесят пять диалогов и двенадцать писем великого философа. Часть диалогов (девять) была переведена Сиденхемом, а оставшееся часть – Тейлором. Перевод сопровождался комментариями, помещенными в сносках, таких древнегреческих авторов как Олимпиодор, Дамаский, Гермий, Прокл. Сочинения Платона были даны с обширными примечаниями переводчиков. По своим взглядам оба переводчика были платониками.

Осуществленные Томасом Тейлором, которого называли иногда «современным Плифоном», переводы Платона и других античных авторов (в том числе фрагментов орфиков, сочинений Апулея, Порфирия, Ямвлиха, Прокла), а также его собственные философские сочинения способствовали сохранению и распространению платоновской философии в XIX в. Они оказали влияние на У. Блейка, У. Вордсворта, Перси Биши Шелли в Англии. В Америке Платона в переводах Тейлора читали Ральф Уолдо Эмерсон, Бронсон Олкот, Г.Р.С. Мид, секретарь Блаватской. Сама Блаватская тоже высоко ценила Тейлора. Тейлор также осуществил перевод на английский язык «Метафизики» Аристотеля.

Отмечается, что тексты, с которыми работал Тейлор, были в то время не столь совершенны, как в настоящее время. Встречая лакуны и ошибки в текстах, Тейлор предлагал свое чтение, основываясь на собственном понимании Платона и платонизма. Современные текстовые разыскания обнаруживают, что его конъюнктуры и исправления в большинстве случаев точны. В настоящее время в академических кругах происходит изменение оценки деятельности Тейлора. В выступлениях даются сведения биографического харак-

тера о переводчиках, а также краткая характеристика некоторых их сочинений и философских взглядов. Деятельность Тейлора и его взгляды сопоставляется с деятельностью его младшего современника, французского поэта и мыслителя Фабра д'Оливе. Показывается значительная роль в деле пробуждения роста интереса к Тейлору и его наследию английской поэтессы XX в. Кэтлин Райн, автора монографии об ученом.

Ключевые слова: Томас Тейлор, Флойер Сиденхем, Платон, платонизм, полное собрание сочинений Платона, Кэтлин Райн

Rostislav N. Demin, Russian Christian Academy for the Humanities, Saint Petersburg; deminros@yandex.ru

The first edition of the complete works of Plato in England

The study of the Platonic tradition in England cannot be fruitful without referring to the first complete works of Plato and to the legacy of his translators and researchers Floyer Sydenham and Thomas Taylor. In 1804, a complete edition of Plato's works in five volumes was published in London. It included fifty-five dialogues and twelve letters of the great philosopher. Some of the dialogues (nine) were translated by Sydenham, and the by Taylor. The translation was accompanied by comments placed in footnotes by such ancient Greek authors as Olympiodorus, Damascus, Hermias, Proclus. Plato's writings were given with extensive notes by translators. According to their views, both translators were platonists. Thomas Taylor's translations of Plato and other ancient authors (including fragments of the Orphics, the works of Apuleius, Porphyry, Iamblichus, Proclus), as well as his own philosophical writings, contributed to the preservation and dissemination of Platonic philosophy in the 19th century. They influenced W. Blake, W. Wordsworth, Percy Bysshe Shelley in England. In America, Plato in Taylor's translations was read by Ralph Waldo Emerson, Bronson Alcott, G.R.S. Mead, Blavatsky's secretary. Blavatsky herself also highly appreciated Taylor. Taylor also translated Aristotle's *Metaphysics* into English. It is noted that the texts with which Taylor worked were more imperfect at that time than at present.

Encountering lacunae and errors in the texts, Taylor offered his reading based on his own understanding of Plato and Platonism. Modern textual searches reveal that his conjunctions and corrections are accurate in most cases. Currently, there is a change in the evaluation of Taylor's activities in academic circles.

The publication provides biographical information about the translators, as well as a brief description of some of their writings and philosophical views. Taylor's activity and his views are compared with the activities of his younger contemporary, the French poet and thinker Fabre d'Olivet. A significant role in awakening the growing interest in Taylor and his legacy is noted by the English poet of the 20th century Kathleen Rhine, author of a monograph about the scientist.

Keywords: Thomas Taylor, Floyer Sydenham, Plato, Platonism, complete works of Plato, Kathleen Raine

Джадан Игорь Иванович
независимый исследователь
Луганск; idzhadan@yandex.ru

Бойцов Александр Сергеевич
кандидат биологических наук
независимый исследователь
Санкт-Петербург/Тривандрум
s.bronze@gmail.com

Проблема существования лжи
и пути её возможного решения
в платоновских «Диалогах»

Дискуссия между философскими школами классического периода, разгоревшаяся вокруг проблемы существования или несуществования лжи, нашла своё отражение в диалогах Платона. В докладе раскрывается необходимое условие возможности лжи и иллюзии: они могут появляться только во взаимоотношении эйдоса с чувственной реальностью, но не в эйдосе самом по себе. Это условие не является достаточным. На основе построенной модели распознавания образов сформулировано достаточное условие лжи: экзистенциальное противоречие, как форма неразличённости. Уточняется семантика такого противоречия: что противоречит чему? В указанном смысле небытие, как таковое, можно рассматривать, как ситуацию, в которой различие в принципе невозможно. Она понимается, как экзистенциальное противоречие – противоречие между утверждением о существовании вещи и фактами. В таком случае само небытие оказывается следствием невольной или намеренной ошибки. В частности, подобные ошибки допускаются мастерами “искусства создания ложных подобий” в платоновском смысле. Примеры платоновского “подражательного искусства” дополняются нами современными примерами фигуративного искусства (“искусство создавать образцы”) и искусства иллюзиониста (“искусство создания ложных подобий”).

Ключевые слова: эйдос, диайресис, ложь, иллюзия, противоречие, небытие, распознавание, искусство

Igor I. Dzhadan, independent researcher, Luhansk, Ukraine; idzhdan@yandex.ru

Aleksandr S. Boytsov, Cand. of Sci. (Biology), independent researcher, Saint Petersburg / India, Trivandrum; s.bronze@gmail.com

The problem of lie existence in Plato's "Dialogues" and the ways of its possible solution

The dispute between the philosophical schools of the classical period which arose around the problem of the existence or non-existence of lies was reflected in Plato's dialogues. The necessary condition for the possibility of lies and illusion is formulated in our report: they can appear only in the relationship of eidos with sensual reality, but not in eidos itself. This condition is not sufficient however. On the basis of the constructed pattern recognition model the sufficient condition for a lie is formulated: an existential contradiction as a form of indistinguishability. The semantics of such a contradiction has been clarified: what contradicts what? In this sense, non-being as such can be viewed as a situation in which distinction is impossible in principle. This situation is understood as an existential contradiction – a contradiction between the statement about the existence of a thing and facts. In this case, non-being itself turns out to be the result of an involuntary or deliberate mistake. In particular, such mistakes are made by the masters of the 'art of creating false likenesses' in the Platonic sense. Examples of Plato's 'imitative art' are complemented by contemporary examples of figurative art ('the art of imitating forms') and the art of the illusionist ('the art of creating a false likeness').

Keywords: eidos, diairesis, lie, illusion, contradiction, non-being, recognition, art

До Егито Тинатин Мерабовна
аспирант ПСТГУ
Московская международная киношкола № 40
Москва; egi_t_o@mail.ru

Экстаз в эпоху революций

Начало XX в., ознаменовавшееся в России обострением революционных настроений в обществе, вызвало к жизни два самостоятельных сюжета, общие экстатические интуиции которых, неизбежно отсылают к философии Платона.

В начале 30-х гг. С. Эйзенштейн, занимаясь изучением темы религиозного экстаза, с удивлением обнаруживает в «экзерцициях» католического святого Игнатия Лойолы явное сходство с «системой Станиславского». Он отмечает скрытые монтажные принципы, лежащие в основе обеих систем: человек и его переживания разлагаются на составные части (память, сознание, волю). Оба метода рассчитаны на достижение состояния экстаза: монахи посредством медитации призваны слиться с Богом, актеры, применяющие «систему Станиславского», стремятся к выходу из себя в персонажа, в образ. Режиссер стремится применить опыт экстатических переживаний святых в обновленном искусстве советского авангарда. При этом те коннотации, которые устанавливаются между религиозно-мистическими и эротическими переживаниями, являются отсылками к произведениям Платона (диалоги «Федр» и «Пир»).

Современник С. Эйзенштейна философ В. Эрн прочитывает Платона также в контексте идеологических дискуссий своей эпохи. В своей книге «Верховное постижение Платона», В. Эрн, подробно рассматривая диалог Платона «Федр», отмечает характерную для него двойственность тем эротического и антропологического. Высшие эротические переживания, лежащие в основе экстатического опыта, выводят человека за границы земного к непостижимому присутствию бессмертия.

Оба сюжета, возникшие в рамках идеологических установок революционной эпохи, восходят к философии Платону, в частности с его пониманию темы экстаза.

Ключевые слова: Платон, экстаз, Эрос, трансценденция, Революция, Эйзенштейн, Эрн, «солнечное постижение», религиозная

мистика, «экзерции» Лойолы, «система Станиславского», дионисийское искусство

Do Egito Tinatin M., postgraduate student, PSTGU, Moscow International Film School № 40, Moscow; egi_t_o@mail.ru

Ecstasy in the Age of Revolutions

The beginning of the twentieth century, marked in Russia by an exacerbation of revolutionary sentiments in society, gave rise to two independent plots, the general ecstatic intuitions of which inevitably refer to the philosophy of Plato.

In early 1930s, S. Eisenstein, while studying the theme of religious ecstasy, was surprised to find in the “exercises” of the Catholic Saint Ignatius Loyola a clear resemblance to the “Stanislavsky system.” He notes the hidden editing principles typical for both systems: a person and his affections are splitted into component parts (memory, consciousness, will). Both methods are designed to achieve a state of ecstasy: monks through meditation to merge with God, actors using the Stanislavsky system, strive to get out of themselves into a character, into an image. The director is seeking to apply the experience of the ecstatic affections of the saints in the renewed art of the Soviet avant-garde. At the same time, the connotations that are established between religious and erotic experiences become references to the works of Plato (dialogues “Phaedrus” and “Feast”).

A contemporary of S. Eisenstein, the philosopher V. Ern reads Plato also in the context of the ideological discussions of his era. In his book “The Supreme Comprehension of Plato”, V. Ern, examining in detail the dialogue of Plato “Phaedrus”, notes its characteristic duality of the erotic and anthropological themes. Higher erotic affections that lead to ecstatic experience, withdraw a person from the earth boundaries to the incomprehensible presence of immortality.

Both plots, which arose in the ideological settings of the revolutionary era, go back to the philosophy of Plato, in particular to his understanding of the theme of ecstasy.

Keywords: Plato, ecstasy, Eros, transcendence, Revolution, Eisenstein, Ern, “solar comprehension”, religious mysticism, Loyola’s “exercises”, “Stanislavsky’s system”, Dionysian art

Дорохина Дарья Михайловна
кандидат философских наук
Московский государственный университет
геодезии и картографии
Москва; dadorohina@gmail.com

Неоплатоническая концепция свободы и судьбы в философии С. Франка

В докладе мы рассмотрим одну из главных категорий политической онтологии С. Франка – категорию свободы. В «Духовных основах общества» философ критически высказывается о содержании понятия «политическая свобода», которое полностью исчерпано конкретными обстоятельствами и состояниями, охватывающими общество в некий исторический момент. Между тенденциозным пониманием «политической свободы» и ее онтологическим значением положено принципиальное различие. Жизнь общества, протекающая в духовном измерении, понимается как акт соприкосновения с Реальностью. В акте такого соприкосновения происходит схватывание «правды», определяющей порядок должного. Общее «чувство правды» конституирует общественное бытие как таковое. А вот сам акт соприкосновения с Реальностью возможен только в свободе. На данном этапе интересно проследить, как философ трактует свободный акт в контексте строгой иерархической структуры общественного бытия, как он увязывает строгость и дисциплину со свободой и творчеством. «Всякая диктатура сильна, жизнеспособна и онтологически правомерна, лишь поскольку она, с одной стороны, сама творится свободной нравственной волей, волей к подвигу ее активных участников и, с другой стороны, есть лишь переходная мера, некая самодисциплина или самообуздание, наложенное на себя обществом в интересах внутреннего оздоровления, некая временная суровая аскетика, имеющая своей последней задачей восстановление нормального, т. е. Основанного на свободном взаимодействии индивидуальных сил, строения общества и – тем самым – свое самоустранение».

Для того, чтобы разобраться в выдвинутом положении, мы обращаемся к онтологическим сочинениям С. Франка. В книге «Реальность и человек» философ показывает, что привычное толко-

вание свободы как «свободы воли» равной «свободе выбора» равной «свободе выбора между добром и злом» философски неоправданно. Для уяснения содержания понятия свободы Франк производит семантическое различение и отделяет свободу от «свободы». Свобода есть «самоосуществление человека как богосродного и богослитного существа». Тогда как «свобода» совместима с несвободой и вырождается в нее.

Продолжая реконструкцию мысли Франка, мы обращаемся к философской концепции Плотина. Для прояснения различия между двумя содержаниями понятия свобода необходимо обратиться к неоплатонической концепции Адрастеи, которая, с одной стороны, понимается как возмездие и воздаяние, а с другой – как «закон природы». Согласно идее Плотина, закон Адрастеи не является «внеразумным», однако он никем не установлен. Адрастея не отождествляется с «необходимостью», однако «этот универсальный закон является врожденным в каждом». Этим началом определяется степень свободы и возможность для каждой души быть тем, чем она избрала быть.

Ключевые слова: Франк, Плотин, грех, свобода, неоплатонизм, теодицея, реальность, платонизм

Daria M. Dorokhina, Cand. of Sci. (Philosophy), Moscow State University of Geodesy and Cartography, Moscow; dadorohina@gmail.com

Keywords: Frank, Plotinus, sin, freedom, neoplatonism, theodicy, reality, platonism

Древнеегипетский исток понятия «эйдос»

Когда говорят о происхождении важнейших понятий древнегреческой философии, таких как идея и эйдос, обычно рассуждают в контексте древнегреческой культуры. Вместе с тем схожее понятие мы имеем и в Древнем Египте, культура которого была известна грекам не понаслышке. Ведь некоторые из них, в частности и Пифагор, и Платон, не просто были в Египте, но и были посвящены в таинства.

В данном сообщении выдвигается гипотеза о том, что понятие греческой философии как эйдос восходит к древнеегипетской категории «Ка». Речь идет не о прямом заимствовании, а о продолжении длительной традиции мысли, предполагающей определенную структуру мышления. Подобным образом греческое искусство не рождается на пустом месте, а отталкивается от древнеегипетских образцов. Оно, как и древнеегипетское, тесно связано с философской традицией.

Древнеегипетская категория «Ка» имеет множество интерпретаций и соответствующих им переводов на другие языки. На наш взгляд, заслуживает внимания та ее интерпретация, которая понимает «Ка», как видимое выражение сущности человека. Другими словами, «Ка» – это тождественное в бытии человека, явленное в визуальном образе. Оно является необходимым структурным элементом целостности человека, его индивидуального бытия.

Категория «Ка» предполагает единство тождественного (собственно «Ка») и нетождественного в бытии (жизни) человека. «Ка» обозначает видимую, неизменную, самотождественную, бессмертную сущность человеческого Я, необходимую для идентичности. Речь идет о более сложном явлении, чем магическое тождество человека и его двойника.

Благодаря представлению о тождестве видимого образа и индивидуальности человека, появилось на свет удивительное портретное искусство Древнего Египта, не имеющее аналогов в других древних культурах. Развитие искусства Древнего Египта идет рука об руку

с развитием мысли, подобный феномен мы наблюдаем и в Древней Греции. Искусство говорит о том же, что и философия, но своим языком.

Вопрос о влиянии древнеегипетской философии на древнегреческую остается дискуссионным. Древнеегипетская мысль сложна для понимания, потому что она скрывается за сакральными символами и мифологическими образами.

Сравнение египетской и древнегреческой картины мира, в которой визуальный образ играет важнейшую онтологическую роль, на наш взгляд поможет сделать представление о них более объемным.

Ключевые слова: Древний Египет, Ка, эйдос, идея, Платон, сущность, явление, тождественное, искусство, бытие, видимое, идентичность

Aleksandr S. Zverev, MGLU, independent researcher; Al-zv@yandex.ru

The ancient Egyptian origin of the concept of “eidōs”

This article discusses the hypothesis that the origin of an important category of ancient Greek philosophy of Eidos is connected with ancient Egyptian philosophy.

We are talking about the ancient Egyptian category “Ka”. We do not mean direct borrowing. Ancient Greek philosophy, like ancient Greek art, is based on an ancient tradition that assuming a certain structure of thinking.

The ancient Egyptian category “Ka” has many interpretations. We consider the interpretation that understands “Ka” as a visible expression of the essence of a person. “Ka” is identical in the being of a person, manifested in a visual image. It is a necessary structural element of the integrity of a person, his individual being.

Ancient Egyptian philosophy had the idea of the difference and unity of essence and phenomenon, identical and non-identical.

The category “Ka” assumes the unity of the identical (“Ka”) and the non-identical in the being (life) of a person. “Ka” denotes the visible,

unchangeable, self-identical, immortal essence of the human Self, necessary for identity. We are talking about a more complex phenomenon than the magical identity of a person and his double.

The idea of the identity of the visible image and the individuality of a person contributed to the birth of the amazing portrait art of Ancient Egypt, which has no analogues in other ancient cultures. The art of ancient Egypt is similar to ancient Egyptian philosophy. We observe a similar phenomenon in ancient Greece. Art describes the same thing as philosophy, but in its own language.

The question of the influence of ancient Egyptian philosophy on ancient Greek remains debatable. Ancient Egyptian thought is difficult to understand because it is hidden behind sacred symbols and mythological images.

A comparison of Egyptian and ancient Greek cultures in which the visual image plays an important ontological role, in our opinion, will help to make the idea of them more complex.

Keywords: Ancient Egypt, Ka, Eidos, idea, Plato, essence, phenomenon, identity, art, being, visible, identity

Золотухина Анастасия Игоревна

кандидат филологических наук

ИГИТИ им. А.В. Поletaева

НИУ «Высшая школа экономики»

Москва; a.auriauris@gmail.com

Выйти из вечности – выйти из танца:
хореографическая метафора вечности
в платонической традиции¹

В античности время и вечность с самых ранних о них свидетельств описывались в категориях музыки и танца. Уже у ранних греческих лириков (Архилох, Феогнид) встречается понятие «ритм», «ῥυθμός / ῥυσμός», приложимое как к движению человеческого тела, так и к музыке и времени. Восприняв пифагорейскую космологию, Платон в «Тимее» создает влиятельнейший образ времени как вечного кругового танца звезд и планет (что, в частности, побуждает Прокла этимологически возводить слово χρόνος, время, к χορεία, танец: *In Plat. Tim. Comment.* 247a-b), сопоставляя вечный хоровод звезд с несовершенным танцем человеческой жизни. Через неоплатоников (прежде всего, Плотина: в частности, *Enn.* IV.4.8) образ совершенного хоровода вечности и времени как выхода из этого танца проходит через святоотеческую традицию (Василий Великий и псевдо-Дионисий Ареопагит, описывающие посмертную вечность как танец) в Византию (Михаил Пселл и др.) и возвращается в Западную Европу в эпоху раннего Ренессанса, выливаясь в конце концов не только в возрождение платонического понимания нераздельности вечности, музыки и танца, но и в дошедшие до нас записи хореографических постановок, основанных на осваиваемой итальянцами XV в. античной философии.

Концепция платонического космического танца хорошо известна; однако до сих пор мало внимания уделялось непосредственной корреляции музыки и танца со временем и вечностью в античности. В докладе будет исследовано происхождение этой корреляции, метафоры «вечности как танца», и ее соотношение с реальными муси-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00366.

ческими и хореографическими практиками: существовало ли практическое представление о приобщении к вечности через музыку и танец, и если да, каковы были механизмы этой практики? Акцент будет сделан на текстах античной платонической традиции, осмысляющих движение человеческого тела по сравнению с движением – вечным и временным – небесных тел и описывающих время и вечность через музыкальную (музыка и танец) метафорику.

Ключевые слова: танец, платонизм, время, вечность, метафора, Платон, Плотин

Anastasiya I. Zolotukhina, Cand. of Sci. (Philology), Poletaev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, National Research University “Higher School of Economics”; a.auriauris@gmail.com

Out of eternity – Out of dance:
A choreographic metaphor for eternity
in the platonic tradition

In antiquity, time and eternity were always described in the categories of music and dance. Already the early Greek poets (Archilochus, Theognides) used the concept of “rhythm”, “ῥυθμός / ῥυσμός”, applied both to the movement of the human body and to music and time. Using Pythagorean cosmology Plato in *Timaeus* creates the most influential image of time as an eternal circular dance of stars and planets (which, in particular, prompts Proclus to give an etymology of the word χρόνος, time, as χορεία, dance: *In Plat. Tim. Comment.* 247a-b), comparing the eternal round dance of the stars with the imperfect dance of human life. Through the Neoplatonists (first of all, Plotinus: in particular, Enn. IV.4.8), the image of the perfect round dance of eternity and time as a way out of this dance passes through the patristic tradition (Basil the Great and pseudo-Dionysius the Areopagite, who described posthumous eternity as a dance) to Byzantium (Michael Psellos and others) and returns to Western Europe in the early Renaissance, ultimately resulting not only in the revival of the Platonic understanding of the inseparability of eternity, music and dance, but also in the surviving recordings of choreographic performances of the 15th century Italy.

The concept of platonic cosmic dance is well known; however, until now little attention has been paid to the direct correlation of music and dance with time and eternity in antiquity. I will investigate the origin of this correlation, the metaphor of “eternity as a dance”, and its relationship with real musical and choreographic practices: was there a practical idea of reaching eternity through music and dance, and if so, what were the mechanisms of this practice? The emphasis will be made on the texts of the ancient Platonic tradition, comprehending the movement of the human body in comparison with the movement – eternal and temporal – of heavenly bodies and describing time and eternity through musical (music and dance) metaphor.

Keywords: dance, platonism, time, eternity, metaphor, Plato, Plotinus

Исмиева Валерия Мамедовна

кандидат философских наук

Институт мировых цивилизаций

Москва; Longway100@yandex.ru

Путь самопознания: две киноверсии
(на материалах художественных фильмов)

В двух рассматриваемых в докладе фильмах – «Страна в шкафу» (1991, реж. Радха Бхаравадж, по одноимённой пьесе этого же автора) и «Человек из Подольска» (2017, реж. Семён Серзин, по одноимённой пьесе Дм. Данилова) представлены кинокартины, построенные по сходной сценарной канве. В основе каждого – напряжённый диалог Протагониста с весьма враждебными (так представляется по крайней мере поначалу) правоохранителями: главный герой подвергается допросу и обвинениям, формально связанным с какими-то нарушениями против государства, что и составляет сюжетную канву обоих фильмов.

В силу того, что авторы обеих картин проявили одинаковое нежелание прояснить свои замыслы в интервью и собственных заметках, посвящённых фильмам и пьесам, допуская ризомность интерпретаций и ставя критиков в затруднительное положение ввиду лёгкости истолкования обеих картин в контексте абсурдистской эстетики. При этом фильм Бхаравадж построен более изощрённо и многослойно, эстетически выверенно и последовательно. Ни одна из рецензий ни в англоязычной прессе (фильм был экранизирован в США), ни в российской не отражает оригинальность авторского замысла, сводя всё к проблематике противостояния личности и тоталитарного государства (отчасти это свойственно и прочтению «Человека из Подольска»), реже допуская феминистское прочтение, но при этом, с нашей точки зрения, не приближается к разгадке содержания, в частности, допускающего поливариантность истолкований финала. Нам представляется малопродуктивным использование эстетического клише абсурдизма, в свете которого предпринимаются попытки интерпретации отдельных контекстуальных ходов без попытки увидеть целостность замысла, свести главный месседж обеих картин к социально-политической проблематике и обличи-

тельному пафосу против насилия над личностью и попыток навязать творческому человеку конформную позицию.

По нашему мнению, в обеих картинах ставится проблема самопознания и самоосознания Протагониста, отсылающая к сократической задаче «Познай самого себя» и метафоре Пещеры. По сути, диалоги, которые ведут оба персонажа, и Николай, и безымянная Писательница, являются экстериоризации внутреннего диалога, в ходе которого им приходится признать неготовность быть честными прежде всего с самими собой, что приводит к созданию ситуации агрессивного Лабиринта, вынуждающего Протагониста посмотреть в лицо своим страхам и пересмотреть, а затем совершить попытку изменить свою позицию.

Оба автора позволяют своим героям продвинуться в процессе самоосознания на весьма разные уровни (на наш взгляд, Писательница из фильма «Страна в шкафу», приближается к состоянию созерцания Блага, в то время как Николай, «Человек из Подольска», останавливается значительно раньше, совершив лишь выход из Пещеры своего иллюзорного существования).

Ввиду богатого контекстуального содержания и специфики их репрезентации обе картины допускают поливариантность методов исследования, в частности, наиболее релевантной, на наш взгляд, является юнгианская трактовка (с точки зрения теории архетипов бессознательного), хотя и не единственной. Это, на наш взгляд, не противоречит попытке интерпретации ключевых моментов обоих произведений в контексте платоновского учения, которое, в свою очередь, помогает осмыслить изменение сознательной установки обоих персонажей.

Ключевые слова: Самопознание, Страна в шкафу, Человек из Подольска, Радха Бхаравадж, Дмитрий Данилов, Семён Серзин, Благо, Пещера

Valeriya M. Ismieva, Cand. of Sci. (Philosophy), Institute of World Civilizations, Moscow; Longway100@yandex.ru

The Path of self-knowledge: two film versions (based on the materials of feature films)

In two films considered in the report – “The Country in the closet” (1991, dir. Radha Bharavaj, based on the play of the same name by the same author) and “The Man from Podolsk” (2017 dir. Semyon Serzin, based on the play of the same name by Dmitry Danilov) presents films based on a similar scenario canvas. At the heart of each is a tense dialogue between the Protagonist and very hostile (so it seems at least at first) law enforcement officers: the main character is interrogated and accused, formally related to some violations against the state, which is the plot outline of both films.

Due to the fact that the authors of both paintings showed the same unwillingness to clarify their intentions in interviews and their own notes on films and plays, allowing the rhizome of interpretations and putting critics in a difficult position due to the ease of interpreting both paintings in the context of absurdist aesthetics. At the same time, Bharavaj’s film is built more sophisticated and multilayered, aesthetically verified and consistent. None of the reviews either in the English-language press (the film was filmed in the USA) or in the Russian one reflects the originality of the author’s idea, reducing everything to the problems of the confrontation between the individual and the totalitarian state (this is partly characteristic of the reading of the “Man from Podolsk”), rarely allowing a feminist reading, but at the same time, from our point of view, it does not approach the solution of the content, in particular, allowing polyvariance of interpretations of the finale. It seems to us unproductive to use the aesthetic cliché of absurdism, in the light of which attempts are made to interpret individual contextual moves without trying to see the integrity of the idea, to reduce the main message of both paintings to socio-political issues and accusatory pathos against violence against the individual and attempts to impose a conformal position on a creative person.

In our opinion, both paintings pose the problem of self-knowledge and self-awareness of the Protagonist, referring to the Socratic task “Know yourself” and the metaphor of the Cave. In fact, the dialogues conducted by both characters, and Nikolai, and the unnamed Writer, are

exteriorizations of an internal dialogue, during which they have to admit their unwillingness to be honest primarily with themselves, which leads to the creation of a situation of an aggressive Maze, forcing the Protagonist to face his fears and reconsider, and then make an attempt to change his position.

Both authors allow their characters to advance in the process of self-realization to very different levels (in our opinion, the writer from the film “The Country in the Closet” is approaching the state of contemplation of the Good, while Nikolai, “The Man from Podolsk”, stops much earlier, having only made an exit from the Cave of his illusory existence).

Due to the rich contextual content and the specifics of their representation, both paintings allow for multivariance of research methods, in particular, in our opinion, the Jungian interpretation (from the point of view of the theory of archetypes of the unconscious) is the most relevant, although not the only one. This, in our opinion, does not contradict the attempt to interpret the key points of both works in the context of Platonic teaching, which, in turn, helps to comprehend the change in the conscious attitude of both characters.

Keywords: Self-knowledge, The Country in the closet, A man from Podolsk, Radha Bharavaj, Dmitry Danilov, Semyon Serzin, Good, Cave

Ищенко Нина Сергеевна

кандидат философских наук,

Луганский государственный педагогический университет,

Луганск, ЛНР; niofterna@gmail.com

Лестница эротического познания в стихотворении Елены Заславской

Стихотворение Елены Заславской «О попытках сердца с лестницы познания ступить на лестницу забвения» создано в Луганске в 2021 г. Это произведение насыщено платоновскими образами и категориями. В стихотворении использованы образы лестницы, подъема, стрелы Эрота, а также термины *имя*, *логос* и *докса*. Рассмотрим роль этих платоновских идей в структуре поэтического текста.

Уже в названии произведения упоминается лестница познания – известный образ диалогов Платона, развитый в философскую концепцию платоническими школами античности. Разные ступени познания рассматриваются Платоном в диалогах «Теэтет» и «Пир».

В «Теэтете» собеседники ищут ответ на вопрос, что такое познание. Они рассматривают версии о познании как чувственном восприятии; как верном имени явления (*логос*); а также как верном имени с правильным объяснением (*логос* и *докса*). На последней ступени лестницы познания человек выходит за пределы рассудочной работы интеллекта и сливается с предметом познания в любовном экстазе. Именно на эту последнюю трансцендентную ступень выходит человек по лестнице познания, ведомый Эротом, демоном, соединяющим миры.

Все ступени эротической лестницы представлены в стихотворении Елены Заславской. В первом куплете подчеркнута телесность, чувственность впечатления: возлюбленный просыпается, ощущает нехватку кислорода, пытается поймать прикосновение ресниц любимой. Семантическим центром следующего куплета является *имя* (*логос*) – сияющее *имя* героини, мелькающее в тишине и самим своим появлением меняющее мир. Следующий шаг по лестнице познания, который делают герои, приводит к конкретизации их пространства, к воссозданию подробной летописи их встреч и расставаний в различных точках времени-пространства. Это уже не просто

логос, это логос с доксой, имя с правильным объяснением. Героиня не только входит в мир любимого как имя, она преобразует каждую его точку, становится содержанием всей его жизни.

И наконец на последней ступени героиня появляется, минуя все преграды, без логических объяснений, отмечая правильные мнения, охватывая всё существо героя. В этой части возникает еще один яркий платоновский образ, который правильней назвать героем Платона – это Эрот, любовь. Его стрела пронзает пространство и время, соединяет миры, любимая входит в сердце и в самую суть жизни. На этой ступени познания происходит полное слияние с предметом, соединяются гносеологический и эротический смысл познания, любовь правит миром.

Итак, в стихотворении Елены Заславской показана эротическая лестница познания, ведущая от чувственного восприятия через логос и доксу к трансцендентному. На вершине лестницы находится Эрот, сила, соединяющая миры, преобразующая жизнь, делающая возможным истинное познание вне логических категорий и объяснений. В таком качестве выступает Эрот и в творчестве Платона. Таким образом, в стихотворении современной луганской поэтессы использованы платоновские образы и платоновская терминология для выражения сокровенной идеи Платона о любви как преображающей силе, позволяющей человеку во всем его существе соединиться с истиной.

Ключевые слова: лестница познания, Эрот, Платон, Елена Заславская, платонизм, философия, русская поэзия

Nina S. Ishchenko, Cand. of Sci. (Philosophy), Lugansk State Pedagogical University, Lugansk People Republic, Lugansk; niofterna@gmail.com

Ladder of Erotic Cognition in the Elena Zaslavskaja's poem

The poem by Elena Zaslavskaja “On the Attempts of the Heart to Step from the Ladder of Cognition on the Ladder of Oblivion” was created in Lugansk in 2021. This work is full of Platonic images and

categories. The poem uses the images of a ladder, an ascent, an arrow of Eros, as well as the terms name, logos and doxa. Consider the role of these Platonic ideas in the structure of the poetic text.

Already in the title of the work, the ladder of knowledge is mentioned – the well-known image of Plato’s dialogues, developed into a philosophical concept by the Platonic schools of antiquity. Different stages of cognition are considered by Plato in the dialogues “Theaetetus” and “Symposium”.

In “Theaetetus”, the interlocutors are looking for an answer to the question of what cognition is. They consider versions of cognition as sensory perception; as the correct name of the phenomenon (logos); and also, as the correct name with the correct explanation (logos and doxa). At the last rung of the ladder of knowledge, a person goes beyond the limits of the rational work of the intellect and merges with the subject of knowledge in love ecstasy. It is to this last transcendental step that a person enters the ladder of cognition, led by Eros, the demon that connects the worlds.

All steps of the erotic ladder are presented in the poem by Elena Zaslavskaja. The first verse emphasizes the physicality, sensuality of the impression: the beloved wakes up, feels a lack of oxygen, tries to catch the touch of the beloved’s eyelashes. The semantic center of the next verse is the name (logos) – the shining name of the heroine, flickering in silence and changing the world by its very appearance. The next step along the ladder of knowledge, which the heroes take, leads to the concretization of their space, to the recreation of a detailed chronicle of their meetings and partings at various points in time-space. This is no longer just a logos, it is a logos with doxa, a name with a correct explanation. The heroine not only enters the world of her beloved as a name, she transforms his every point, becomes the content of his whole life.

And finally, at the last step, the heroine appears, bypassing all obstacles, without logical explanations, sweeping aside the correct opinions, embracing the entire being of the hero. In this part, another vivid Platonic image arises, which is more correctly called the hero of Plato – this is Eros, love. His arrow pierces space and time, connects the worlds, the beloved enters the heart and into the very essence of life. At this stage of cognition, complete merging with the object occurs, the epistemological and erotic meaning of cognition is combined, love rules the world.

So, in the Elena Zaslavskaja's poem, an erotic ladder of knowledge is shown, leading from sensory perception through logos and doxa to the transcendental. At the top of the ladder is Eros, the force that connects the worlds, transforms life, making possible true knowledge beyond logical categories and explanations. In this capacity, Eros also appears in the works of Plato. Thus, in the poem of a modern Luhansk poetess, Platonic images and Platonic terminology are used to express Plato's innermost idea of love as a transforming force that allows a person in all his being to unite with truth.

Keywords: ladder of knowledge, Eros, Plato, Elena Zaslavskaja, Platonism, philosophy, Russian poetry

Калиновский Александр Зиновьевич

аспирант

КНУ им. Т.Г. Шевченка, Киев

a.kalinovskiy@protonmail.com

Значение Платона
для политической философии сегодня и его роль
в становлении понятия “политического”
(das “Politische”)

В своем диалоге “Государство” Платон положил начало многогранной традиции политической философии, заложив начало рассмотрения вопросов общего блага (*koino kalo*), добродетели (*arete*), благочестия (*hosiotes, eusebeia*), всеобщего образования (*paideia*), счастья (*eudaimonia*), различных форм государственного правления (*morfes diakyvernisis*), справедливости (*dikaiosyne*) и многого другого.

Кроме поднятых Платоном тем, которые и по сей день выступают предметом анализа многих исследований, он также предложил метод познания любого предмета (метод восхождения от мнений к разумному знанию (диалектика)), который он не только описывает в “Государстве”, но и которым он пишет сам диалог “Государство”. Платон движется от мнений о предмете исследования, которым для него в “Государстве” выступает «справедливость», к рассудочному его описанию и далее к разумному раскрытию его содержания. В этом диалоге метод становится предметом, а предмет методом (Платон использует метод для описания самого же метода), что демонстрирует всеобщий характер знания о любом предмете, если подходить диалектически к его раскрытию. Такое единство предмета и метода исследования (бытия и мышления), возможно, и есть главное философское содержание диалога, которое также помогает понять и предмет политической философии как особенного способа существования Истины.

В книге II Платон сопоставляет (отождествляет) душу человека и государство в качестве сущностей, обладающих справедливостью (*Res. 368e*). В книге IV он еще раз возвращается к утверждению, что в государстве и в душе каждого отдельного человека имеются одни и те же начала и в одинаковом количестве, которыми явля-

ются добродетели (Res. 441c). В книге VIII Платон демонстрирует идентичные реакции души и государства на наличие или отсутствие определённых начал (добродетелей) в их составе, показывая деградацию обоих при изменении способа взаимоотношения добродетелей между собой. Если добавить к этому тему «блага», которую Платон описывает как начало (первопричину) всего (Res. 509b), то мы сможем выйти на предмет политической философии, состоящий из единства трех моментов: блага (всеобщее), полиса (особенное) и души (единичное).

Именно Платон положил начало политической философии и понятия «политического» (das “Politische”), которое развивалось вместе с философским предметом (единство бытия и мышления) на протяжении всей истории философии. После «наивного философствования» античности (Гегель) с ее непосредственным единством трех моментов (блага, души и полиса), в христианском Средневековье происходит саморазличение понятия «политического», где каждый из моментов рассматривается уже в отдельности, заслоняя при этом их единство. И только в Новейшее время (опосредованно через философов Возрождения и Нового времени) в трудах немецкой классики (и в особенности, у Гегеля) философский предмет единства бытия и мышления достигает своего окончательного развития, превратившись из Античного “непосредственного единства” в “единство конкретное”, а вместе с этим и любое понятие здесь приобретает форму единства трех моментов – «всеобщего», «единичного» и «особенного». Тем самым, абстрактное единство трех моментов (благо, полис, душа) понятия «политического», открытое Платоном в Античности, опосредованно через всю историю философии в лице Гегеля приходит к конкретному единству моментов этого понятия.

Политика XXI века стоит на развилке, имея выбор между продолжением практики Средневековья, рассматривающей моменты «политического» (всеобщее, государство и человека) в отдельности друг от друга и порождая все новые кризисы (кризис демократии, капитализма, свободы, недоверие к СМИ, и т. д.), или переходом к разумной политике, используя наработки Платона, который заложил основы «политического» и всей последующей за ним истории философии.

Ключевые слова: Платон, Гегель, диалектика, благо, полис, разумная политика, понятие “политического”

Aleksandr Z. Kalinovskii, postgraduate student, Taras Shevchenko National University, Kyiv; a.kalinovskiy@protonmail.com

The Significance of Plato
for Contemporary Political Philosophy and His Role
in Formation of the Concept of “the Political”
(das “Politische”)

In his dialogue “The Republic”, Plato began a versatile tradition of political philosophy by laying a foundation for the concepts of the common good (*koino kalo*), virtue (*arete*), piety (*hosiotetes*, *eusebeia*), universal education (*paideia*), happiness (*eudaimonia*), various forms of government (*morfes diakyvernisis*), justice (*dikaiosisyne*), etc.

In addition to the topics raised by Plato, which are still the subject of analysis of many research studies, he also proposed a method of cognition of any subject (the method of ascent from opinions to reason-based knowledge (dialectical method)), which he not only describes in his “Republic”, but also uses to write “The Republic” itself. Plato moves from opinions about the subject of research, which for him in “The Republic” is “justice”, to a reason-based description of it and then to rational discovery of its content. In “The Republic”, the method becomes the subject and the subject becomes the method (Plato uses the method to describe the method itself), which demonstrates the universal nature of knowledge about any subject, if we approach its discovery dialectically. Such a unity of the subject and method of research (being and thinking) is perhaps the main philosophical essence of “The Republic”, which also helps to understand the subject of political philosophy as a special way of existence of the Ultimate Truth.

In Book II, Plato compares (identifies) the human soul and the state as entities that possess justice (Res. 368e). In Book IV, he comes back once again to the assertion that in the state and in the soul of every individual there are the same principles and in the same quantity, which are virtues (Res. 441c). In Book VIII, Plato demonstrates the identical reactions of the soul and the state to the presence or absence of certain principles (virtues) in their composition, showing the degradation of both when changing the way of the relationship of virtues with each other. If we add to this the theme of “the good”, which Plato describes as the beginning (root cause) of everything (Res. 509b), we can reach the subject

of political philosophy, consisting of the unity of three moments: the good (universal), polis (special), and soul (single).

It was Plato who laid the foundations of political philosophy and the concept of “the political” (das “Politische”), which developed along with the philosophical subject (unity of being and thinking) throughout the history of philosophy. After the “naive philosophizing” of antiquity (Hegel) with its direct unity of three moments (good, soul and polis), in the Christian Middle Ages there is self-distinction of the concept of “the political”, where each moment is considered separately, obscuring their unity. And only in the 19th century (indirectly through the philosophers of the Renaissance and Modern Times) in the works of German classics (and especially of Hegel), the philosophical object of the unity of being and thought reaches its final development, turning from the ancient “immediate unity” into “concrete unity”. At the same time, any concept here takes the form of the unity of three moments – “universal,” “singular,” and “special.” Thus, the abstract unity of the three moments (good, policy, soul) of the concept of “political”, discovered by Plato in Antiquity, indirectly throughout the history of philosophy through Hegel comes to a concrete unity of moments of this concept.

21st century politics is at a crossroads – it must choose between continuing the practice of the Middle Ages that considers the moments of “political” (universal, state and man) separately from each other and generates new crises (crisis of democracy, capitalism, freedom, distrust of the media, etc.). etc.), and making transition to rational politics using the works of Plato, who laid the foundations of “the political” and the entire subsequent history of philosophy.

Keywords: Plato, Hegel, dialectical method, virtue, polis, reason-driven politics, the concept of “political”

Кнорре Елена Юрьевна
кандидат филологических наук
Институт мировой литературы им. Горького РАН
Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет
Москва; Lena12pk@yandex.ru

«Стены падают»: мистика освобождения
в творчестве М. Пришвина и Л. Андреева

Катастрофа «малого апокалипсиса», переживаемая русским обществом в пореволюционный период 1905–1907 гг., определяет поворот от внешнего, социально-политического пути преобразования общества к идее внутреннего, духовного преображения человека. Революции как социально-политическому действию противопоставляется мистика духовного освобождения. Сюжет освобождения от «стен времени и пространства» включает в себя аллюзии к Платону и Шопенгауэру в рассказах Л. Андреева. Мотив преодоления «стены годов» и его вариации (приоткрыть «завесу бытия», «завесу мира», заглянуть за «ширму войны» и пр.) с аллюзиями к платоновскому мифу о пещере появляется в дневниках и художественной прозе М. Пришвина. В докладе предполагается реконструировать идеи Платона и Шопенгауэра, ставшие философским источником метафоры «невидимой стены времени», в произведениях Л. Андреева («Рассказ о семи повешенных», «Стена») и М. Пришвина («У стен града невидимого» (1909), дневники 1914–1920 гг.), предложить сравнительную типологию образов «стены» в структуре метатекста Серебряного века.

Ключевые слова: Платон, Шопенгауэр, платоновский миф, Невидимый град, духовная революция, Серебряный век, метафора стены времени и пространства

Elena Yu. Knorre, Cand. of Sci. (Philology), RAS Institute of World Literature, Orthodox St. Tikhon University for the Humanities (PSTGU), Moscow; Lena12pk@yandex.ru.

“Walls are Falling”: the mysticism of liberation
in the works of M. Prishvin and L. Andreev

The catastrophe of the “minor apocalypse” experienced by Russian society in the post-revolutionary period of 1905–1907 determines the turn from the external, socio-political path of transforming society to the idea of an internal, spiritual transformation of man. Revolution as a socio-political action is opposed to the mysticism of spiritual liberation. The plot of liberation from the “walls of time and space” includes allusions to Plato and Schopenhauer in the stories of L. Andreev. The motive for overcoming the “wall of years” and its variations (to slightly open the “curtain of being”, “the curtain of the world”, look behind the “screen of war”, etc.) with allusions to the Platonic myth about the cave appears in M. Prishvin’s diaries and fiction. The paper is supposed to reconstruct the ideas of Plato and Schopenhauer, which became the philosophical source of the metaphor of the “invisible wall of time”, in the works of L. Andreev (“The Tale of the Seven Hanged”, “The Wall”) and M. Prishvin (“At the Walls of the Invisible City” (1909), diaries 1914–1920), to offer a comparative typology of images of the “wall” in the structure of the Silver Age metatext.

Keywords: Plato, Schopenhauer, Plato’s myth, Invisible city, spiritual revolution, Silver Age, metaphor of the wall of time and space

Ангелы, демоны и дураки Иеронима Босха:
рецепция неоплатонизма в визуальной культуре
Позднего Средневековья

Проблема рецепции неоплатонизма в живописи позднего Средневековья и Возрождения – одна из центральных для визуальных исследований: иконологических и иконографических. Слава иконологической школы во многом состоялась на изучении рецепции неоплатонизма художниками Возрождения. Однако до сегодняшнего дня ведутся споры о правомерности подобных интерпретаций, о границах «вписывания» и конструирования рецепции философии Платона в научном дискурсе.

Наш доклад будет посвящён проблеме рецепции неоплатонизма в работах позднесредневекового художника – Иеронима Босха. Мы постараемся проследить, где его визуальный код инкорпорируют неоплатонистические концепции, усвоенные Средневековой визуальной культурой, а где сравнительный анализ работ Босха с неоплатонизмом может дать исследователю и зрителю возможность интерпретации «темных» мест в теологических работах художника.

Рецепция неоплатонизма в триптихах нидерландского художника подразделяется на три направления. В основе первого лежат представления о небесных иерархиях, а также об онтологическом присутствия бытия и небытия в структуре творения, нашедшее визуальные выразительные формы на створках триптихов, посвящённых конструированию рая. Вторая группа образов, связанная с рецепцией платонизма, является отражением первой – это иерархическая структура демонов и непосредственные образы суда, которые доминируют в визуальном языке Босхе и отражают неоплатонические представления о загробном воздаянии. Третий тип визуальных аллюзий связан с образом софистов и дураков, встречающихся в неконвенциональных работах Босха. В центре нашего доклада также будет стоять вопрос о том, какие письменные источники могли повлиять на формирование данных репрезентаций в визуальном языке Иеронима Босха.

Ключевые слова: неоплатонизм, Позднее средневековье, Иероним Босх, Страшный суд, Корабль дураков

Valeriya A. Kosyakova, Cand. of Sci. (Cultural Studies), RSUH,
Moscow; Art_0@list.ru

Hieronymus Bosch's Angels, Demons and Fools: the Reception of Neoplatonism in the Visual Culture of the Late Middle Ages

The problem of the reception of Neoplatonism in late Medieval and Renaissance painting is one of the central ones for visual studies: iconological and iconographic. The glory of the iconological school largely took place on the study of the reception of Neoplatonism by Renaissance artists. However, to this day, there are disputes about the validity of such interpretations, about the boundaries of “fitting in” and constructing the reception of Plato's philosophy in scientific discourse.

Our report will be devoted to the problem of the reception of Neoplatonism in the works of the late medieval artist Hieronymus Bosch. We will try to trace where his visual code is incorporated by Neoplatonic concepts assimilated by Medieval visual culture, and where a comparative analysis of Bosch's works with Neoplatonism can give the researcher and the viewer the opportunity to interpret “dark” places in the theological works of the artist.

The reception of Neoplatonism in the triptychs of the Dutch artist is divided into three directions. The first is based on the ideas of the heavenly hierarchies, as well as on the ontological presence of being and non-being in the structure of creation, which found visual expressive forms on the leaves of triptychs dedicated to the construction of paradise. The second group of images associated with the reception of Platonism reflects the first – it is the hierarchical structure of demons and direct images of judgment, which dominate in the visual language of Bosch and reflect Neoplatonic ideas about the afterlife retribution. The third type of visual allusions is associated with the image of sophists and fools found in Bosch's unconventional works. Our report will also focus on the question of which written sources could influence the formation of these representations in the visual language of Hieronymus Bosch.

Keywords: neoplatonism, iconology, Late Middle Ages, Hieronymus Bosch, The Last Judgment, The Ship of Fools

Левина Татьяна Владимировна
кандидат философских наук
Институт наук о культуре, Эссен, Германия
tatiana.levina@kwi-nrw.de

Освобожденное Ничто: неоплатонические реминисценции авангарда¹

Был ли Казимир Малевич стихийным платоником? С его именем связывают революционный сдвиг в искусстве, ниспровержение классических ценностей. Как писал Александр Бенуа о «Последней футуристической выставке картин 0.10», на которой, как в «красном углу», куда обычно в русских домах помещали иконы, был выставлен «Черный квадрат»: «Все святое, сокровенное, все то, что любили и чем жили, все исчезло». Можно ответить на слова Бенуа, что, пусть революция Малевича была в ниспровержении живописного реализма, она явилась возвращением реализма метафизического. Малевич реконструировал классические философские и теологические аргументы в терминах своего времени. Возможно, революция малевичевского «Черного квадрата» – в радикальном платонизме, который предстал перед Бенуа как низвержение сакрального. Малевич в своих теоретических трактатах высказывает положения, которые напоминают учение о трансцендентных идеях Платона. Понятия «беспредметность», «Ничто» и «супрематизм», которыми он обосновывает необходимость отказаться от репрезентативности, ставятся Малевичем в центр его теории искусства.

Художественные и теоретические работы Казимира Малевича и других авангардистов связаны с апофатической линией в философии. В этом контексте необходимо понять концепцию Ничто в европейской философии и то, как она развивалась с поздней античности. Исследование начинается с рецепции Сергея Булгакова Малевичем. На мой взгляд, Малевич мог прочитать «Свет невечерний» (1917) Булгакова и узнать об апофатизме Дионисия Ареопагита, Мейстера Экхарта и Григория Паламы. Концепция Ничто относится к парадок-

¹ Исследование подготовлено по Гранту РФФИ «Определяя Ничто: концепции негативности в континентальной философии» 20-011-00927 в 2021 г.

сальному соединению света и тьмы. Михаил Ларионов экспериментировал со светом и иконами, обращаясь к русской и византийской иконографии. Искусствовед Дмитрий Сарабьянов связывает лучизм Ларионова с проблемой нетварной природы Божественного Света, которая была связана со спорами Григория Паламы 1340-х гг.

Я рассмотрю апофатическую линию рассуждений от Плотина в средневековой философии и проанализирую влияние этого контекста через других философов на круг философии и искусства начала 20 века. Для концепции Ничто я проанализирую рецепцию неоплатонизма Майстером Экхартом в эстетическом плане. Для концепции Света я рассмотрю работы искусствоведа Присциллы Хант. Она приводит иконографию света к понятию символа у Дионисия Ареопажита (V-VI вв.). Его понятие Блага отсылает читателя к Проклу (412-485) и Плотину (205-270), интерпретаторам Платона. Мысль Плотина показывает, что метафора Дионисия о круге и исходящих из него лучах связана со скрытой сферой Света.

Ключевые слова: Дионисий Ареопажит, неоплатонизм, Казимир Малевич, метафизический реализм, Ничто, Платон, платонизм, Плотин, Прокл, супрематизм, трансцендентное

Tatiana V. Levina, Cand. of Sci. (Philosophy), Institute for Advanced Study in the Humanities (KWI), Essen, Germany, tatiana.levina@kwi-nrw.de

Liberated Nothingness: Neoplatonic Reminiscences of Avant-Garde

Was Malevich a spontaneous Platonist? His name is associated with radical change in art and even subversion of traditional values. Many of Malevich's contemporaries have been literally shocked by the exhibition of abstract art and named Malevich the "subverter of classical valuables". As Alexandre Benois said on the "Last futurist exhibition 0.10," where – as in the "red corner" of Russian homes, were icons here often placed – "Black square" were exhibited: "Everything holy and sacred we possessed... has disappeared." Nevertheless, Malevich articulates ideas that remind of transcendent platonic forms in his theoretical treatises.

Concepts of “objectlessness”, “nothing” and “suprematism”, which he uses to justify the necessity of rejecting representativeness, are placed at the centre of Malevich’s theory of art. Being so, Malevich could have answered to Benois’s words that, if his revolution was the subversion of painterly realism, at the same time it seemed to be a return of metaphysical realism.

Artistic and theoretical works of Kazimir Malevich and other avant-gardists are associated with the apophatic line in philosophy. In this context, it is necessary to understand the concept of Nothingness in European philosophy and how it has developed since the late antiquity. The research begins with the reception of Sergei Bulgakov by Malevich. In my view, Malevich could have read Bulgakov’s ‘Unfading Light’ (1917) and grasp Dionysius the Areopagite, Meister Eckhart and Gregory Palamas’s apophatism. The concept of Nothingness refers to the paradoxical connection of Light and Darkness. Mikhail Larionov experimented with light and icons, referencing Russian and Byzantine iconography. Art historian Dmitri Sarabianov connects Larionov’s rayism with the problem of the non-created nature of Divine Light, which was associated with disputes of Gregory Palamas the 1340s.

I will examine the apophatic line of reasoning from Plotinus to medieval philosophy and analyze the influence of this context through other philosophers on the circle of philosophy and art of the early 20th century. For the concept of Nothingness, I will analyze Meister Eckhart’s reception of neoplatonism in the aesthetic terms. For the concept of Light, I will consider works of art historian Priscilla Hunt. She leads the iconography of light to the notion of the symbol in Dionysius the Areopagite (V-VI centuries). His notion of the Good refers the reader to Proclus (412-485) and Plotinus (205-270), interpreters of Plato. Plotinus’ thought reveals that Dionysius’s metaphor of the circle and the rays emanating from it is related to the hidden sphere of Light.

Keywords: Dionysius the Areopagite, neoplatonism, Kazimir Malevich, metaphysical realism, Nothingness, Plato, platonism, Plotinus, Proclus, suprematism, transcendence

Левина Татьяна Владимировна
кандидат философских наук
Институт наук о культуре, Эссен, Германия
tatiana.levina@kwi-nrw.de

Идеализм и идеология: академический путь Софьи Яновской¹

Центральной фигурой исследования является Софья Александровна Яновская (1896–1966), историк и философ математики, профессор механико-математического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, которая много сделала для развития математической логики и аналитической философии в СССР. Ее биография нетривиальна. В первой части своей университетской карьеры Яновская была «красным профессором» с идеологическими функциями, которыми ей приходилось заниматься (как и многим другим выдающимся ученым, таким как Андрей Колмогоров или Борис Гессен, репрессированный в 1936 г.). Она писала о математических рукописях Карла Маркса, а в 1935 г. случайно встретила с Людвигом Витгенштейном, оказавшим длительное влияние на ее исследования и научную жизнь. В сороковых годах прошлого века Яновская начала разрабатывать историю и философию математики, математическую логику и поддерживала пионеров кибернетики. Она создала хорошую основу для развития аналитической философии и в СССР.

Когда в 1930 г. на конференции ее спросили, чем она собирается заниматься и выяснилось, что математической логикой, ее собеседник был искренне удивлен тому, как можно заниматься столь абстрактными темами в «это время». А время было действительно страшное. Борьба с формализмом перекинулась на математиков, и идеологи нещадно боролись с «идеализмом в науке», то есть с формальной наукой, так как именно за, казалось бы, объективными и точными формулами может скрываться страшное лицо врага – интуиционистская математика, а там и монархизм, черносотенство, троцкизм. Тем не менее, Яновская пытается оставить свою идеологическую роль и большевистское прошлое и развивает мате-

¹ Исследование подготовлено по Гранту РФФИ 20-011-00885 А «Гендерная ревизия истории философии».

математическую логику в СССР несмотря на постоянные нападки диалектических материалистов. С 1947 г. по ее инициативе и под редакцией выходят труды Гильберта и Аккермана, Тьюринга, Тарского, Крипке и др. Она основывает семинары по математической логике и истории математики на механико-математическом факультете МГУ и много занимается организационной деятельностью. Стратегией Яновской было публиковать книги и говорить о концепциях, которые вызывают «идеологические вопросы», но критически, с тем, чтобы показать, что необходимо эти концепции переформулировать на языке диалектического материализма. Тогда это был единственный приемлемый путь публично опубликовать работу «буржуазного автора» без партийных санкций. В концептуальной форме своего времени, когда ей пришлось критиковать буржуазную философию с точки зрения диалектического материализма, Яновская размышляла об универсалиях, абстрактных объектах, проблеме существования и чистой математике.

Я рассмотрю роль Софьи Яновской в продвижении идей аналитических философов, а также логиков и философов математики. Я отделила их от ее собственных идей об абстрактном и конкретном, абстракционизме и практике. В духе своего времени, она использовала различные стратегии, в том числе диалектические, для защиты абстрактных объектов и других концепций математического платонизма. Это исследование также внесет свой вклад в современную тенденцию в аналитической философии оценки роли женщин-философов.

Ключевые слова: абстракция, Людвиг Витгенштейн, идеализм, кибернетика, математическая логика, платонизм, Софья Яновская

Tatiana V. Levina, Cand. of Sci. (Philosophy), Institute for Advanced Study in the Humanities (KWI), Essen, Germany; tatiana.levina@kwi-nrw.de

Idealism and Ideology: academic path of Sofia Yanovskaya

Sofia Yanovskaya was a Professor at Lomonosov Moscow State University, and made a significant contribution to the philosophy of mathematics in the USSR at the time of Marxist-Leninist ideology. In the first part of her university career, Yanovskaya was a ‘Red Professor’

with some ideological functions she had to be occupied with (as well as many other prominent scientists, such as Andrey Kolmogorov or Boris Hessen, who was repressed in 1936). She has written on the mathematical manuscripts of Karl Marx and in 1935 had an extraordinary meeting with Ludwig Wittgenstein that had a lasting impact on her research and academic life. In the forties of the last century Yanovskaya began developing the history and philosophy of mathematics, mathematical logic, and supported cybernetic pioneers. She established a good basis for the development of analytic philosophy in the USSR as well.

An illuminating story about Stalin's endeavour to control all fields of intellectual thought at the beginning of 1930 is when one applied mathematician asked Yanovskaya, 'What are you going to do?' and she answered, 'mathematical logic'. 'How could you study mathematical logic at this period of time?' he said. And it was a scary time indeed. The fight against formalism spilled over to mathematicians and ideologists fought mercilessly against the "idealism in science", that is, against abstract science, since it was behind seemingly objective and precise formulas that the terrible face of the enemy could hide – intuitionist mathematics, and there monarchism, Black Hundreds, Trotskyism. Nevertheless, Yanovskaya tries to leave her ideological role and Bolshevik past behind and develops mathematical logic in the USSR despite the constant attacks of dialectical materialists.

Craving for mathematical logic, Yanovskaya promote logic and mathematics in her lecture courses, as well as publishing works of prominent logicians and analytical philosophers: Hilbert & Ackermann, *Grundzüge der theoretischen Logik* (1947); Tarski, *Introduction to logic and to the methodology of deductive sciences* (1948); Polya, *Mathematics and plausible reasoning*; Carnap's *Meaning and Necessity*; Turing *Can machines think?* (1960); Organized publications of Kleene, Church and others. The strategy of Yanovskaya was to publish and to talk about conceptions, that are 'ideologically questionable' with critical attitude and with attempts to solve some problems in a dialectical way. This was then the only acceptable way to publicly publish the work of a "bourgeois author" without party sanction. In the conceptual form of her time, when she had to criticise bourgeois philosophy in terms of dialectical materialism, Yanovskaya reflected on universals, abstract objects, the problem of existence and pure mathematics.

Keywords: abstraction, cybernetics, idealism, mathematical logic, Platonism, Ludwig Wittgenstein, Sofia Yanovskaya

Интерпретация идеального государства Платона в политической философии Н.В. Устрялова

Н.В. Устрялов относится к числу мыслителей, незаслуженно обойденных вниманием исследователей. Между тем, его вклад в отечественную политическую мысль достаточно значителен. Это связано с тем, что он был «неудобным» мыслителем, не вписывался в узкие рамки политических партий. Н.В. Устрялов получил образование на юридическом факультете Московского университета, где его преподавателями были Б.П. Вышеславцев, Л.М. Лопатин, С.А. Муромцев, П.И. Новгородцев, С.А. Котляревский, Е.Н. Трубецкой. Особое влияние на взгляды Н.В. Устрялова оказал Е.Н. Трубецкой. Это касается и внимания к истории политической мысли, в том числе к наследию Платона, преподавательской деятельности, а также стремления включиться в современную политическую борьбу. В годы Первой мировой войны он стал одним из самых ярких политических публицистов. Как и Е.Н. Трубецкой, он приветствовал первую русскую революцию, но очень быстро в ней разочаровался, затем принимал участие в гражданской войне в армии Колчака, оказавшись после этих событий в эмиграции в Китае. Именно в этот период он стал одним из лидеров «сменовеховского» движения, выступавшего за изменение отношения к советской России, надеясь на ее политическую трансформацию. В начале 30-х годов он вернулся на родину и был репрессирован. Несмотря на крутые повороты в своем политическом пути, он был достаточно последователен в своем патриотизме и стремлении сохранить историческую Россию. Наследию Платона непосредственно посвящен один текст Устрялова, представляющий собой лекцию, прочитанную еще до революции в университете, а затем переработанную в статью и изданную в Харбине («О политическом идеале Платона», 1929). Политический идеал Платона был чрезвычайно интересен русскому мыслителю на протяжении всего его политического пути, данный текст можно рассмотреть в контексте всей его политической публицистики. В своем тексте он критикует интерпретацию «Государства» в творчестве В.С. Соловьева, опирается на интерпретацию Е.Н. Трубец-

кого, умело расставляя свои акценты. Согласно Устрялову, Платон ставит вечные вопросы политической философии, прежде всего, о взаимосвязи политической власти с вечной «правдой», этика здесь неразрывно связана с политикой и правом. Платоновский политический идеал он называет идеократией, это идеал ему очень близок. Правители здесь воспринимаются как «медиумы идей, и ответственность их есть исповедь перед Истиной, а не отчет перед пестрым разногосльем народных собраний. Правящий слой поставляется не выбором, а отбором, и объединяется общностью знания, причастностью к его источнику». В конце концов за этот идеал Н.В. Устрялову пришлось заплатить и своей жизнью.

Ключевые слова: политическая философия, идеальное государство, этика, политика, революция, идеократия

Aleksandr V. Loginov, Russian State University for the Humanities, ION, Moscow; loginovav@mail.ru

Interpretation of Plato's Ideal State in N.V. Ustryalov's Political Philosophy

N.V. Ustryalov is one of the thinkers undeservedly overlooked by researchers. Meanwhile, his contribution to the Russian political thought is quite significant. This is due to the fact that he was an “inconvenient” thinker, did not fit into the narrow framework of political parties. N.V. Ustryalov was educated at the Faculty of Law of Moscow University, where his teachers were B.P. Vysheslavtsev, L.M. Lopatin, S.A. Muromtsev, P.I. Novgorodtsev, S.A. Kotlyarevsky, E.N. Trubetskoy. E. N. Trubetskoy had a special influence on the views of N.V. Ustryalov. This also applies to attention to the history of political thought, including the legacy of Plato, teaching, as well as the desire to get involved in the modern political struggle. During the First World War, he became one of the most prominent political publicists. Like E.N. Trubetskoy, he welcomed the first Russian revolution, but very quickly became disillusioned with it, then took part in the civil war in Kolchak's army, finding himself in exile in China after these events. It was during this period that he became one of the leaders of the “Smenovekhovskiy” movement, which advocated a change in attitude towards Soviet Russia,

hoping for its political transformation. In the early 30s, he returned to his homeland and was repressed. Despite the sharp turns in his political path, he was quite consistent in his patriotism and desire to preserve historical Russia. One text of Ustryalov is directly devoted to Plato's legacy, which is a lecture given at the university before the revolution, and then revised into an article and published in Harbin ("On Plato's Political Ideal", 1929). Plato's political ideal was extremely interesting to the Russian thinker throughout his political career, this text can be considered in the context of all his political journalism. In his text, he criticizes the interpretation of the "State" in the works of V.S. Solovyov, relies on the interpretation of E.N. Trubetskoy, skillfully placing his accents. According to Ustryalov, Plato poses eternal questions of political philosophy, first of all, about the relationship of political power with eternal "truth", ethics here is inextricably linked with politics and law. He calls Plato's political ideal ideocracy, this ideal is very close to him. The rulers here are perceived as "mediums of ideas, and their responsibility is a confession to the Truth, and not a report to the motley discord of popular assemblies. The ruling stratum is supplied not by choice, but by selection, and is united by the community of knowledge, involvement in its source." In the end, for this ideal N.V. Ustryalov had to pay with his life.

Keywords: political philosophy, ideal state, ethics, politics, revolution, ideocracy.

Майзульс Михаил Романович

кандидат исторических наук

РГГУ Москва, maizuls@gmail.com

О подземной иерархии.
Порядок и беспорядок
в средневековой иконографии демонов

В христианском дискурсе об устройстве видимого и невидимого космоса огромную роль играет идея ангельских чинов, небесной иерархии, которая исходит от Бога-Творца и возносит к нему хвалу, связывает мир видимый и невидимый. Эти представления и образы, восходящие к иудейской и раннехристианской апокалиптике, испытали огромное влияние неоплатонизма псевдо-Дионисия Ареопагита. В отличие от мира ангелов, который с позднеантичных времен представляли как упорядоченный (и видели в нем архетип порядка), в мире демонов, как он представал в текстах и иконографии, господствовал беспорядок, греховная множественность. Однако в высокое Средневековье и мир темных духов стали все чаще описывать и изображать по модели иерархии, как inferнальную монархию. К раннему Новому времени описания бесовских иерархий (дьявольский двор, десятки и сотни чинов, «профессиональная» специализация демонов) в трактатах демонологов (богословов-теоретиков и практиков-судей) приобрели гипертрофированную подробность. Однако эти идеи получили лишь частичное отражение в иконографии. Для визуальной традиции, как и для богословского дискурса, было характерно несколько линий напряжения: между величию сатаны и ограниченность его власти, ролью повелителя преисподней и ее узника; беспорядком бесовских тел и порядком их иерархии. В этом докладе я предлагаю проанализировать эти линии напряжения и стратегии визуализации бесовских иерархий в иконографии XII–XV вв., функционирование маркеров статуса, диалектику порядка и беспорядка, соотнесение между чинами светлых и чинами темных ангелов, а также рецепцию (в этих структурах) идей неоплатонизма.

Ключевые слова: демонология, англология, Дионисий Ареопагит, иконография, визуальность, неоплатонизм

Mikhail R. Maizuls, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow; maizuls@gmail.com

On the infernal hierarchy. Order and disorder in the medieval iconography of demons

In the Christian discourse on the ordering of visible and invisible worlds an enormous role is played by the idea of angelic ranks, a heavenly hierarchy that proceeds from God and connects the humans and their creator. These ideas and images, which go back to Jewish and early Christian apocalypticism, were greatly influenced by the Neo-Platonism of Pseudo-Dionysius the Areopagite.

In contrast to the world of angels, which since the Late Antiquity has been presented as ordered and hierarchized, the world of demons, as it appeared in texts and iconography, was mainly dominated by disorder, a sinful multiplicity. However, in the High Middle Ages the world of dark spirits has been also transformed by a new way of thinking. It was increasingly described and depicted as a feudal hierarchy and infernal monarchy. By Early Modern times the descriptions of demonic hierarchies (devil's court, tens and hundreds of ranks, "professional" specialization of demons) in treatises of demonologists (theologians-theorists and practitioners-judges) became highly detailed. This ordering played an important role both in the demonological discourse and juridical practice. However, these ideas were only partially reflected in iconography. The visual tradition, like theological discourse, was characterized by several lines of tension: between the greatness of Satan and the limitations of his power, his role of lord of the underworld and of its prisoner; the disorder of the demonic bodies and the order of their hierarchy. In this paper I propose to analyze these lines of tension and the strategies of visualization of demonic hierarchies in 12th- and 15th-century iconography, the functioning of status markers, the dialectic of order and disorder, the correlation between the ranks of light and ranks of dark angels, and the reception (in these structures) of the Neoplatonism.

Keywords: demonology, angelology, Dionysius the Areopagite, iconography, visuality, neoplatonism

Маньков Александр Евгеньевич

кандидат филологических наук

Институт языкознания РАН ПСТГУ

Институт лингвистики РГГУ

Москва; mankov@iling-ran.ru

Тинних и Кэдмон:
о роли божественного вдохновения
у Платона и Беды

В докладе будет рассмотрено сообщение Платона о поэте Тиннихе в диалоге «Ион» (534 d–e) в связи с рассказом о Кэдмоне у Беды Достопочтенного в «Церковной истории народа англоv» (IV, 24). Между этими повествованиями имеется разительное внешнее сходство. Тинних – «посредственнейший поэт» (φαυλότατος ποιητής), устами которого бог пропел «прекраснейшую песнь» (κάλλιστον μέλος). Кэдмон – первый из английских поэтов, чьё имя нам известно (умер ок. 680 г.) От него сохранилось только одно произведение – так называемый Гимн (*carmen*) Кэдмона, переведённый Бедой на латинский язык, но сохранившийся и в древнеанглийской версии. Кэдмон был мирянином преклонного возраста, жившим при монастыре; он не только не был поэтом, но, когда до него доходила очередь петь на празднествах, удалялся со стыдом ввиду своей полной неспособности к искусству поэзии (др.-англ. *lēoðcraeft, songcraeft*). Здесь ещё более заостряется контраст, поскольку Тинних всё же был поэтом. Однажды Кэдмон удалился с пира и лёг спать. Яркая деталь: обязанность Кэдмона в эту ночь – заботиться о скоте, поэтому он идёт в хлев. Во сне ему является некий человек, просящий что-то спеть. Кэдмон вначале отказывается, ссылаясь на своё неумение, однако человек настаивает и просит спеть о «начале сотворённых вещей» (*principium creaturarum*, др.-англ. *frumscaeft*, букв. «первотворение»). Далее Кэдмон поёт свою песнь (9 строк аллитерационного стиха). Первая часть (4 строки) – призыв славить Творца. Вторая часть (5 строк) – перечисление главных частей творения: небо как крыша (*heben til hrofe*, лат. *caelum pro culmine tecti*); «срединный мир» (букв. «двор», *middungeard*; эта строка выброшена Бедой при переводе, так как это языческое понятие); земля (*folde – terra*). В древнеанглийском варианте содержится семь обозначений Творца, умело встроенных

в текст. С точки зрения содержания, структуры и языковых средств Гимн является выдающимся произведением, совершенство которого подчёркивает божественный характер дара Кэдмона: *ipse... divinitus adjutus gratis canendi donum accepit* ‘он получил дар песен безвозмездно, поддержанный божественным образом’ / *hē... þurh Godes gife þone songcraft onfēng* ‘он получил это искусство песен благодаря дару Бога’. Ср. у Платона: οὐ τέχνη ποιοῦντες καὶ πολλὰ λέγοντες καὶ καλὰ, ἀλλὰ θεία μοῖρα ‘не посредством искусства [поэты] творят и говорят много прекрасного, но посредством божественного определения’; οὐ τέχνη ταῦτα λέγουσιν, ἀλλὰ θεία δυνάμει ‘не посредством искусства они это говорят, но божественной силой’. В момент действия этой силы законы природы упраздняются, поэтому вакханки в этот момент черпают из рек мёд и молоко (а Орфей двигает камни); в христианском преломлении это такая трансформация людей под воздействием поэзии Кэдмона, вследствие которой они начинают презирать мир и «воспламеняются близостью небесной жизни».

Таким образом, в споре о том, достигается ли совершенство в поэзии благодаря выучке или благодаря божественному вдохновению, и Сократ, и Беда выступают за вдохновение, радикально отрицая роль выучки. Поскольку поэтическое искусство – это “единое целое”, τὸ ὅλον (т. е. оно общее и для Гомера, и для Гесиода, а не отдельные и разнородные искусства: одно у Гомера, другое у Гесиода), то постигнув Гомера, Ион должен бы постичь и Гесиода. Однако у Иона налицо иррациональная склонность именно к Гомеру. Этот иррациональный элемент искусства используется Сократом как доказательство действия божественной силы: именно Муза отвечает за склонность поэта к конкретному жанру. Если бы совершенство в поэзии достигалось выучкой, поэт одинаково владел бы всеми жанрами, или, по крайней мере, не выделял бы для себя один любимый жанр. Путем рассудка высший уровень прекрасного недосяжим; рассудок тут будет только мешать, и Сократ высказывается об этом крайне радикально.

У Беды другой акцент: в рассказе о Кэдмоне ему, по-видимому, важны не сладость (*suavitas/swētnis*) и воздействие (*compunctio/inbryrdnis*) произведения как таковые, а его результат – благотворное влияние на людей. Иррациональность и нарушение естественных законов при обретении Кэдмоном поэтического совершенства является гарантией того, что то, о чём он говорит, – реальность и правда, а не его личное измышление. Итак, при сходстве историй Тинниха

и Кэдмона, их контекст весьма различен. Вероятно, античные рассказы о божественном вдохновении были для Беда не образцом для копирования, а удобным шаблоном, в который вкладывалось иное содержание.

Ключевые слова: Платон, диалог «Ион», Беда Достопочтенный, Кэдмон

Aleksandr Mankov, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; St. Tikhon's University for the Humanities; Russian State University for the Humanities,

Moscow; mankov@iling-ran.ru

Tynnichus and Caedmon: The Role of Inspiration in Plato and Bede

This presentation discusses Plato's account of the poet Tynnichus in *Ion* (534 d–e) comparing it with the story of Caedmon in Bede's *Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum* (IV, 24). There is a striking outward similarity between these narratives. Tynnichus is the “meanest of poets” (φαυλότατος ποιητής), through whom the god sang the “finest of songs” (κάλλιστον μέλος), the paean in favour of Apollo. Caedmon was the first English poet whose name is known (he is supposed to have died around the year 680). There is only one text preserved from him, the so-called Hymn (*carmen*), which Bede translated into Latin, but it is also found in Old English. Caedmon was a layman, advanced in years, who lived at a monastery. Not only was he no poet, but when it was his turn to sing with a harp at a feast, he would leave the feast with a shame due to his complete inability in the art of poetry (OE *lēoðcraft*, *songcraft*). Here, the contrast is made even stronger because Tynnichus was a poet, though the meanest. Once Caedmon left a feast and went to sleep. There is a colourful detail: his duty that night was to take charge of the cattle, for which reason he goes to a byre. In a dream he sees a man who asks him to sing something. Caedmon first refuses because of his inability, but the man insists and tells him to sing about the beginning of created things (*principium creaturarum*, OE *frumscaft*). Then Caedmon sings

his hymn consisting of nine lines of alliterative verse. The first part (4 lines) is an appeal to praise the Creator. The second part (5 lines) indicates the main parts of the creation, i.e. heaven as a roof (*heben til hrofe*, Lat. *caelum pro culmine tecti*); the “middle yard” (*middungeard*; Bede omitted this line because it is a pagan notion); the earth (*folde – terra*). The Old English version contains seven expressions for Creator that are skilfully incorporated in the text. In its content, structure and expression, the Hymn is an outstanding work of art, the prominence of which demonstrates the divine character of Caedmon’s gift: *ipse non ab hominibus neque per hominem institutus canendi artem didicit, sed divinitus adjutus gratis canendi donum accepit* ‘he did not learn the art of poetry from men nor through a man but he received the gift of song freely by the grace of God’ (transl. by B. Colgrave and R.A.B. Mynors); OE *hē nālæs from monnum nē þurh mon gelæred wæs þæt hē þone lēoðcræft leornade, ac hē wæs godcundlice gefultumod* (divinitus adjutus) *ond þurh Godes gife þone songcræft onfēng*. Cf. οὐ τέχνη ποιοῦντες καὶ πολλὰ λέγοντες καὶ καλὰ, ἀλλὰ θεία μοῖρα ‘it is not by art that they compose and say many fine things, but by a divine dispensation’ (534 b–c); οὐ τέχνη ταῦτα λέγουσιν, ἀλλὰ θεία δυνάμει ‘not by art they say these things, but by divine influence’. In the moment of this influence the laws of nature are abolished, so the bacchants can draw honey and milk from the rivers (and Orpheus can move stones when singing). In the Christian interpretation, it is a change in people caused by Caedmon’s poetry when they start to despise the world and ‘are incited by the association with the heavenly life’.

Therefore, in the controversy about whether the perfection in poetry is achieved through training and knowledge or through divine influence, both Socrates and Bede are in favour of the latter. As the art of poetry is “a whole”, τὸ ὅλον (i.e. it is common both to Homer and Hesiod, and is not discrete and divided: one in Homer, the other in Hesiod), Ion, having learnt Homer, should also have learnt Hesiod to the same extent. But Ion is irrationally more inclined towards Homer. Socrates uses this irrational element in art as an indication of divine force. It is the Muse who is responsible for the poet’s inclination towards a specific genre. If perfection in poetry had been due to training, the poet would have been equally skilled in all genres, or, at least, would not distinguish one favourite genre. By the power of mind and poet’s own senses the highest level of poetic art is not attainable, and mind is only a hinder, Socrates being extremely explicit about this (534b).

Bede's emphasis is different. In his account of Caedmon, the sweetness (*suavitas/swētnis*) and influence (*compunctio/inbryrdnis*) of art are not as important as its uplifting effect on listeners. The irrationality and non-compliance with natural laws in Caedmon's attaining poetic art assure the listeners that what he is saying is true and is not his own invention; his personal role in his poetry is nonexistent. Therefore, with all the similarity between the two stories, their context is quite different. For Bede, classical legends about divine inspiration were probably not models to copy but a useful template filled with new content.

Keywords: Plato, Ion, Bede the Venerable, Caedmon

Платонизм в феноменологическом учении о категориальном созерцании

Исследование высших родов сущего в диалогах Платона является первым опытом исследования категорий в философии. Так, в диалоге “Софист” Платон выделяет 5 родов сущего, которые при этом определяются в качестве самих условий возможности мыслимости сущего вообще, а следовательно, условий возможности разумной речи, то есть суждения (систему категорий Аристотеля в этой связи мы рассматриваем в качестве интерпретации учения Платона). Ключевой для нас особенностью исследования “категорий” в диалогах Платона, которая отличает данный подход от простой логической дедукции, является то, что в его основании лежит ноэтическое – сверхчувственное – созерцание идей. В диалогах Платона, таким образом, можно выявить онтологический смысл категорий, подход к которым включает в себя предискурсивное постижение идей.

Несмотря на то, что в истории философии первой основательной попыткой вернуться к проблеме дедукции категорий, как известно, стал трансцендентальный проект Канта, действительное возвращение к логике Платона осуществляется скорее – пусть и не без влияния Канта, – Гуссерлем, который заложил основы феноменологического метода. Так, к специфике исследования категорий в феноменологии относится то, что категории рассматриваются главным образом не в качестве форм познания посредством понятий, но в качестве коррелятов фундированных в восприятии (сверхчувственных) актов категориального созерцания, в которых получают реализацию языковые значения и логические формы. Именно систематическое следование методу, в основании которого лежит созерцательная реализация значений, становится важнейшим принципом феноменологии, отличающим ее от иных философских программ XIX–XX вв., одновременно сближающим с диалектикой Платона.

В докладе я планирую показать, что категориальное созерцание, к которому Гуссерль приходит на основании феноменологического анализа восприятия, составляет саму суть феноменологическо-

го метода экспликации феноменов. Возвращение к логике Платона при этом состоит в том, что данный тип созерцаний функционирует в качестве специфических ноэтических, а не эстетических, актов, что, в свою очередь, отличает феноменологию от проекта Канта, который мыслил категории исключительно в качестве функций, которые рассудок выполняет в суждении, т. е. вне их созерцательной функции. В своем учении о категориальной интуиции Гуссерль реабилитирует идею интеллектуального созерцания. При этом феноменология остается трансцендентальным проектом; ее «открытие» составляет то, что опыту предшествуют значимые структуры, экспликация которых предполагает особый метод созерцательного осуществления этих значений, практику чего также можно обнаружить в диалогах Платона.

Ключевые слова: Платон, созерцание, идеи, феноменология, категории, категориальное созерцание, феномен

Keywords: Plato, intuition, ideas, phenomenology, categories, categorial intuition, phenomenon

Осминская Наталия Александровна

кандидат философских наук

НИУ ВШЭ

Москва; nosminskaya@hse.ru

От Декарта к Платону:

Г.В. Лейбниц о мудрости, добродетели и счастье

Задача доклада – проследить генезис эвдемонистической этики Лейбница от раннего периода его творчества (конец 1660-х – начало 1670-х гг.) до зрелых работ начала 1700-х гг. На основе ряда не переведившихся ранее на русский язык текстов Лейбница («О счастливой жизни», «О добродетели», «О спокойствии души», «О мудрости», «Определения» и др.) я показываю, что картезианское учение о субстанции и картезианское учение об аффектах уже в ранний период были переосмыслены Лейбницем в духе платоновского учения об идеях и платоновской же нравственной философии. Из сравнения ряда текстов Лейбница по всеобщей науке с диалогами Платона (в первую очередь, с «Государством») следует, что замысел и разработка *Scientia generalis* как науки о счастье были вдохновлены платоновским пониманием счастья как жизни сообразно справедливости и разумению. Чрезвычайная близость ряда формулировок и образов, встречающихся в текстах Лейбница, к содержанию и стилистике платоновских диалогов свидетельствует о том, что он, будучи основательно знаком также и с более поздней платонической традицией, в своей этике ориентировался прежде всего именно на тексты самого Платона. Более того, Лейбниц намеревался посредством строгой доказательной философии восстановить «истинное» содержание платоновского учения, очистив его от позднейших мистических и оккультных интерпретаций в духе Плотина и М. Фичино.

Особый интерес представляет применение Лейбницем к области практической философии геометрического метода, в соответствие с которым Лейбниц с помощью генетического ряда определений основных понятий метафизики и этики стремился создать свою рационалистическую этическую доктрину, альтернативную волюнтаристской этике Декарта и детерминистической этике Спинозы. Основой эвдемонизма Лейбница является проводимое им различие между удовольствием и радостью, прямо наследующее платоновскому различению неподлинных и подлинных удовольствий,

изложенному в диалогах «Филеб» и «Государство». Как у Платона, так и у Лейбница понятие удовольствия выступает как связующее звено между метафизикой и этикой – у первого с опорой на различие бытия и становления, у второго – с опорой на динамическое понимание субстанции и понимание совершенства как проявления силы. Вразрез с утверждением Декарта, что у человека интеллектуальная радость, не будучи сама по себе страстью, непременно сопровождается радостью как аффектом, Лейбниц трактует интеллектуальную радость как состояние устойчивого удовольствия, сопровождающее размышление души о первой причине и своей собственной природе. Такое понимание радости находится в прямом соответствии с учением Платона об истинных удовольствиях души, которые, как говорится в 9-ой книге «Государства», приобретаются в том случае, если душа следует за своим философским началом.

Ключевые слова: Лейбниц, всеобщая наука, добродетель, удовольствие

Nataliya A. Osminskaya, Cand. of Sci. (Philosophy), National Research University “Higher School of Economics”, Moscow; nosminskaya@hse.ru

From Descartes to Plato: G.W. Leibniz about wisdom, virtue and happiness

In this paper, I investigate the Platonic sources of Leibniz’s project of *Scientia generalis* as a science of happiness. Basing on various biographical evidences, correspondences and several less known texts originated from Leibniz’s archive in Hannover I argue that Leibniz, from his earlier philosophical period, considered Cartesian ontological dualism to be a sort of Plato’s idealism and regarded his own philosophical system as an attempt to demonstrate *more geometrico* the truths just advanced by Plato. As early as in the middle of the 1670th, Leibniz warned his contemporaries against making no difference between original Plato’s doctrine and its later interpreters (Plotinus, Proclus, Ficino) and from this time repeatedly recommended them to return to the study of Plato’s original dialogues. The comparison of the main concepts of Leibniz’s

ethics (wisdom, virtue, pleasure, happiness) with such from Plato's *Philebus*, *Phaedo*, and *Republic* shows that Leibniz's eudemonism is quite close to the Plato's moral doctrine as far it concerns the interpretation of pleasure as the sense of perfection and also the interpretation of true happiness as "a lasting state of pleasure" and thereby something different from pleasure as a sort of becoming. This conception of happiness is quite different from Descartes' doctrine of passions as far for Descartes the intellectual emotion of joy, although being involved in the process of clear and distinct perception of God, is always accompanied by the passion of joy because of the close connection between soul and body. In his polemic against Descartes' moral philosophy, Leibniz, following Plato, defines virtue not only as a kind of art to regulate the affects but also as an active inclination to the good and practical participation in the *Politie*. Leibniz's system, based on the triple unity of wisdom, virtue and happiness, is to be regarded as an alternative to Spinoza's *Ethics* which gives rational indications how the personal happiness could be achieved.

Keywords: Leibniz, scientia generalis, virtue, pleasure

Петров Валерий Валентинович

доктор философских наук

Институт философии РАН

Москва; *campas.iph@gmail.com*

Карл Кереньи о соотношении религии и философии в Новой академии

В фокусе доклада – философское и религиоведческое истолкование Карлом Кереньи воззрений на соотношение религии и философии, принятых в скептической Новой академии. Анализируется то, каким образом Кереньи интерпретирует соответствующие фрагменты из сочинений «Учение академиков», «О природе богов» и «О дивинации» Цицерона, а также концепции Аркесилая и Карнеада. Обсуждается семантика римского понятия *religio*, которое Кереньи исследует, обращаясь к фигуре понтифика Гая Аврелия Котты, каким тот представлен в диалогах Цицерона. Рассматриваются аргументы Кереньи, трактующего тот факт, что академики Котта и Цицерон признают существование богов, в чем схожи с Аркесилаем и Карнеадом.

Подчеркнуто, что, согласно Кереньи, скептический поворот платоновской школы во многом обусловлен оппозицией позитивному догматизму стоиков: в случае Карнеада – это оппозиция догматической теории божественного промысла у Хрисиппа. Дополнительный момент: для основателей и знаменитых представители Стои, которые были выходцами из Малой Азии, духовные аксиомы древнегреческой религии утратили свою силу. Область господства религии, в которой правила художественно-религиозное, духовное видение и непосредственное знание богов, перестала представлять для них высшую ступень опыта. *Theologia naturalis* и *rationalis* стоиков была призвана заменить сознательные и подсознательные основы древних культов. Её пригодность для этой задачи была доказана посредством типично эллинских методов и способов мышления уже греческими академиками; однако её право на это было без обиняков отвергнуто Цицероном в «О природе богов».

Применительно к взглядам самого Кереньи, обсуждается термин «открытость», используемый им при анализе воззрений академиков. Кереньи определяет *religio* как открытость существованию

богов, как «становление полусферой, восприимчивой к полусфере сущего». Указано, что подобная терминология демонстрирует осведомленность Кереньи относительно интеллектуальных дискуссий, характерных для Германии 1920–1930 гг. Обращено внимание на концепцию «открытости» у Рильке, которую заимствовал и философски истолковал Хайдеггер. Когда Хайдеггер рассуждает о лексеме «открытость» в вокабуляре Рильке, он помещает ее в контекст рассуждений о сферичности бытия и Единого, цитируя слова Парменида о том, что сущее завершено со всех сторон, как совершенной-круглая сфера» (εἵκκυκλος σφαῖρα), и тут же цитирует фрагмент из письма Рильке о том, что, подобно луне, жизнь имеет скрытую от нас сторону, дополняющую ее до совершенства (Vollkommenheit), до полносоставности (Vollzähligkeit), до действительной и полной сферы и шара *бытия* (Sphäre und Kugel des Seins). В докладе высказывается предположение, что опубликованные письма Рильке могли быть общим источником для Кереньи и Хайдеггера.

Демонстрируется, что практикуемое Кереньи проведение параллелей между сущностью академического ученого и религиозного жреца, которое на первый взгляд может показаться экстравагантным и произвольным, используется современными историками науки.

Ключевые слова: Карл Кереньи, Новая академия, скептицизм, Цицерон, Аркесилай, Карнеад, *religio*, *theologia naturalis*, Рильке, Хайдеггер, Парменид

Valery V. Petroff, Dr. of Sci. (Philosophy), RAS Institute of Philosophy, Russian Moscow; campas.iph@gmail.com

Karl Kerényi on the relationship between religion and philosophy at the New Academy

The paper focuses on Karl Kerényi's philosophical and religious interpretation of the views on the relationship between religion and philosophy, adopted in the skeptical New Academy. To do so, Kerényi examines the relevant statements from Cicero's "Academica Priora", "De

natura deorum” and “De divinatione”, as well as the corresponding concepts of Arcesilaus and Carneades. The meaning of Roman concept of *religio* is discussed, which Kerényi explores, referring to the figure of the *pontifex* Gaius Aurelius Cotta, as presented in Cicero’s dialogues. Kerényi’s arguments are under consideration, by which he deals with the fact that Academics Cotta and Cicero recognize the existence of gods, and in doing so coincide with Arcesilaus and Carneades.

Attention is drawn to the fact that, according to Kerényi, the skeptical turn of the Platonic school is largely due to the opposition to the positive dogmatism of the Stoics: in the case of Carneades, this is the opposition to the dogmatic theory of divine providence in Chrysippus. An additional point: for the founders and eminent representatives of the Stoa, who came from Asia Minor, the spiritual axioms of the ancient Greek religion lost their validity. The area of religion, in which the artistic, spiritual vision and direct knowledge of the gods prevailed, ceased to represent the highest stage of experience for them. The *theologia naturalis* and *rationalis* of the Stoics were intended to replace the conscious and subconscious foundations of ancient cults. Its suitability for this task was already proven by the Greek Academics by means of typically Hellenic methods and ways of thinking; however, its right to do so was bluntly rejected by Cicero in “*De natura deorum*”.

With regard to the views of Kerényi himself, the term “openness” is discussed, which he used while analyzing the views of the Academics. Kerényi defines *religio* as an openness to the divine and “becoming a hemisphere receptive to the hemisphere of being.” It is indicated that such terminology demonstrates Kerényi’s awareness of intellectual discussions characteristic of Germany in the 1920s and 1930s. Rilke’s concept of “openness” is explored, which Heidegger borrowed and philosophically interpreted. While discussing the lexeme “openness” in Rilke’s vocabulary, Heidegger also mentions Parmenides’s idea about the sphericity of being and the One and quotes Parmenides’s words that the being is complete on every side, like the rounded sphere (εὔκυκλος σφαῖρα). Here, Heidegger cites the fragment from Rilke’s letter which says that our life, like the moon, has a side turned away from us, which is its complement toward perfection (Vollkommenheit), toward consummation (Vollzähligkeit), toward the really sound and full sphere and orb of being (Sphäre und Kugel des Seins). It is suggested that Rilke’s published letters may have been a common source for Kerényi and Heidegger. It is shown that Kerényi’s practice of drawing parallels between the essence

of an academic, a scholar, and a religious priest, which at first glance may seem extravagant and arbitrary, is also used by contemporary historians of science.

Keywords: Karl Kerényi, the New Academy, skepticism, Cicero, Arcesilaus, Carneades, religio, theologia naturalis, Rilke, Heidegger, Parmenides

Петрова Любовь Алексеевна
кандидат философских наук
Социологический институт РАН
Федеральный научно-исследовательский
социологический центр РАН
par-excellence@yandex.ru

Имя Божие и божественная энергия в философии языка С.Н. Булгакова

Доклад посвящен философии языка о. Сергия Булгакова, а точнее, выяснению вопроса о том, является ли, по мысли Булгакова, Имя Божие энергией Божией, или же только «вместилищем» энергии Божией. Как известно, интерес Сергия Булгакова к философии языка был инициирован имяславскими спорами начала XX в., в которых о. Сергей принимал активное участие на стороне защитников имяславия. Однако формула афонитов «Имя Божие есть Сам Бог» принималась им не безоговорочно: уже в своей ранней статье, посвященной афонскому вопросу, Булгаков выражает сомнение в удачности имяславской формулы. А позднее, в своем обширном сочинении «Философия имени» Булгаков дает собственное толкование афонской формулы, привлекая для этого святоотеческое (паламитское) понятие энергии. В этом Булгаков был не оригинален, поскольку уже с самого начала споров аргументация имяславцев опиралась на паламитское учение о различении в Боге неизменяемой сущности и именуемых божественных энергий, благодаря которому было возможно утверждать божественность Имени при сохранении понимания Бога как неизменяемого по сущности. Булгаков следует той же логике в защите имяславской позиции, в ходе рассуждения выстраивая систему философии языка с привлечением античного, святоотеческого и новоевропейского понятийного инструментария и опираясь на лингвистические теории своего времени. Однако, несмотря на такую значительную философскую разработку проблемы языка и слова, вопрос о соотношении божественной энергии и Имени Божьего в богословской мысли о. Сергия Булгакова остается открытым. В докладе будет рассмотрен вопрос о понимании Булгаковым божественной энергии в ее отношении к Имени Божьему, а также прослежена связь его общих воззрений на природу языка

и слова, основанных на филологических концепциях В. Гумбольдта и А. А. Потебни, с имяславской проблематикой.

Ключевые слова: Сергей Булгаков, философия имени, Имя Божие, паламизм, энергия, имяславие

The Name of God and Divine Energy in S.N. Bulgakov's Philosophy of Language

The report is devoted to the philosophy of the language of S. Bulgakov, or rather, to clarify the important question of whether, according to Bulgakov, the Name of God is the energy of God, or only a «receptacle» of the energy of God. As it is known, Sergiy Bulgakov's interest in the philosophy of language was initiated by the disputes about the worship of the name of God of the beginning of the 20th century, in which Fr. Sergiy took an active part on the side of the defenders of Imiaslavie. However, the formula of the Athonites “The Name of God is God Himself” was not accepted by them unconditionally: already in his early article on the Athonite question, Bulgakov expresses doubt about the success of this formula. And later, in his significant work “The Philosophy of the Name” Bulgakov gives his own interpretation of the Athonite formula, using for this the patristic (Palamite) concept of energy. Bulgakov was not original in this, since from the very beginning of the disputes, the arguments of the Name-Glorifiers were based on the Palamite doctrine of the distinction between the unnamed essence and the named divine energies, thanks to which it became possible to assert the divinity of the Name while maintaining the understanding of God as unnamed in His essence. Bulgakov follows the same logic, in the course of reasoning building a system of philosophy of language with the involvement of ancient, patristic and New European conceptual tools and relying on linguistic theories of his time. However, despite such a significant philosophical elaboration of the problem of language and words, the question of the relationship of divine energy and the Name of God in the theological thought of Fr. Sergiy Bulgakov remains open. The report will consider the question of Bulgakov’s understanding of divine energy in its relation to the Name of God, and also traces the connection of his general views on the nature of language and words, based on the philological concepts of V. Humboldt and A. A. Potebnya, with the problematics of the Onomatodoxy.

Keywords: Sergey Bulgakov, philosophy of the name, the Name of God, palamism, energy, Onomatodoxy

Резвых Петр Владиславович

кандидат философских наук

НИУ ВШЭ

ИГИТИ им. А.В. Поletaева

Москва; prezvykh@hse.ru

Платонические аллюзии в «Мировых эпохах» Ф.В.Й. Шеллинга

В докладе будет предпринята попытка обзора платонических аллюзий и реминисценций в текстах Шеллинга 1810-х гг., относящихся к работе над трактатом «Мировые эпохи». Среди текстов Шеллинга 1800–1820-х гг. эти материалы занимают одно из лидирующих мест по количеству прямых и эксплицитных ссылок на самого Платона; кроме того, в них имеются скрытые цитаты из сочинений философов-неоплатоников. При этом неоднократное обращение к Платону и неоплатоникам является для Шеллинга не просто риторическим украшением, но имеет принципиальное и систематическое значение для всего замысла «Мировых эпох».

Явные платонические аллюзии в «Мировых эпохах» можно подразделить на несколько групп, связанных с ключевыми мотивами трактата. Первая из них касается различения небытия и не-сущего, которое имеет основополагающее значение для обоснования Шеллингом мыслимости теогонического процесса. В этом контексте Шеллинг неоднократно ссылается на диалог «Софист». Вторая группа связана с диалектикой предела и беспредельного, которая становится в «Мировых эпохах» главным инструментом построения спекулятивной модели теогонии и полагается в основу внутренней динамики теогонического процесса. Главной референцией здесь становится «Тимей». Третья соотносится с диалектикой отрицания и утверждения, нужды и избытка, которая рассматривается Шеллингом как ключ к проблеме начала теогонии. Как в различных версиях «Мировых эпох», так и в речи «О самофракийских божествах», имеющей подзаголовок «Первое приложение к “Мировым эпохам”», Шеллинг проецирует эту проблематику на миф о рождении Эроса из диалога «Пир». В четвертой группе в связи с вопросом о соотношении между теогонией и космогонией решающее значение приобретают общие референции к платоновскому учению об идеях, которое

Шеллинг синкретически сплавляет со специфически интерпретированным ветхозаветным образом играющей Премудрости. Принципиальным для Шеллинга является здесь динамическая интерпретация идей как моментов раскрытия содержательного богатства первосущности в теургическом образе будущего творения. Наконец, в первой, наиболее ранней версии первой части «Мировых эпох» (1811) особую роль играет отсылка к фигурирующему в «Тимее» образу демурга, «убеждающего» материю, который Шеллинг интерпретирует в контексте тринитарной проблематики и проецирует на взаимоотношение между Отцом и Сыном.

С тринитарной проблематикой связаны и встречающиеся в трактате неоплатонические аллюзии, в частности, эксплицитно не обозначенная Шеллингом цитата из комментария на «Тимей» Прокла, идентификации и интерпретации которой посвящена заключительная часть доклада.

Ключевые слова: Шеллинг, Прокл, спекулятивный эпос, теогония, теургия

Petr V. Rezvykh, Cand. of Sci. (Philosophy), School of Philosophy and Cultural Studies, HSE University, Moscow; prezvykh@hse.ru

Platonic Allusions
in F.W.J. Schelling's *Die Weltalter*

Keywords: Schelling, Proclus, speculative epos, theogony, theurgy

Руднев Юрий Владимирович

магистр истории

докторант

Центрально-Европейского университета,

Вена/Будапешт; 2rudnev@gmail.com

Платонизм и андрагогика в «Причудах бочара» (1546) Джамбаттиста Джелли

В докладе утверждается, что Джамбаттиста Джелли (1498–1563), флорентийский ремесленник и интеллектуал, стоявший у истоков Флорентийской академии XVI в., в диалоге «Причуды бочара» (1546) предлагает связную андрагогическую теорию, в основе которой лежит философия Платона. Центральной темой диалога является дискуссия о средствах, с помощью которых пожилые мужчины («старрики»), не обладающие знанием латыни, а также опытом школьного обучения, способны усилить и систематизировать свою мудрость. Вполне очевидно, что обсуждение данного вопроса должно было вызвать живой интерес в кругу единомышленников Джелли – непрофессиональных интеллектуалов, принимавших участие в деятельности Флорентийской академии, основанной Козимо I Медичи в начале 1540-х гг.

Диалог призван не только воодушевить соответствующую социальную группу, но также содержит основательную критику, направленную против профессиональных интеллектуалов, прежде всего, гуманистов. По мнению Джелли, последние, объявив себя носителями подлинной учености, всячески затрудняют доступ к ученым занятиям для всех остальных. Таких профессиональных интеллектуалов он сравнивает с врачами, которые «вечно уверяют, что все болезни у их больных серьезные и опасные, чтобы показать потом, когда те выздоровеют, что они сделали нечто выдающееся».

В докладе показано как, с одной стороны, конфликт профессиональных интеллектуалов и «интеллектуалов-любителей» стал результатом культурной политики Козимо I, и как, с другой стороны, основанная Козимо I Флорентийская академия воплотила новую парадигму придворной науки и образования. Далее, я сосредоточусь на анализе того, как андрагогика Джелли связана с неоднородным интеллектуальным ландшафтом Ренессанса. Очевидно, что Джел-

ли нашел идеи Платона плодотворными не только для того, чтобы выстроить свою теорию: с их помощью он развил социально-интеллектуальную критику профессиональных придворных ученых своего времени.

В более широком контексте цель доклада – прояснить флорентийскую интеллектуальную историю XVI в. через обращение к конфликту, возникшему внутри социальной группы интеллектуалов, который свидетельствует о её фундаментальной трансформации накануне Нового времени. Кроме того, результаты исследования, обобщенные в докладе, могут служить аргументом в пользу теории о существовании в ренессансном платонизме нескольких «волн», различающихся, прежде всего, социальным контекстом бытования философского знания, возводимого к Платону. Анализируя этот контекст, я показываю, что та из них, что связана с Флорентийской академией XVI в. и пока нечасто привлекает исследовательское внимание, по своему интеллектуальному влиянию вполне сопоставима с более ранней «Флорентийской академией», учреждение которой провозгласил Марсилио Фичино.

Ключевые слова: ренессансный платонизм, андрагогика, непрофессиональные интеллектуалы, гуманисты, Флорентийская академия

Iurii V. Rudnev, PhD student in Medieval Studies, Central European University, European Union, Vienna/Budapest; 2rudnev@gmail.com

Platonism and Adult Education: I capricci del bottaio (1546) by G. Gelli

I suggest that Giambattista Gelli (1498–1563), the Florentine artisan and scholar, in his dialogue *I capricci del bottaio* (1546) proposes a comprehensive theory of adult learning based on Platonism. The topic of how older men with no prior education and knowledge of Latin may consolidate and enhance their natural wisdom is central to the dialogue. It must have resonated in the circle of adult learners entering the newly established Florentine Academy in the 1540s.

By his dialogue, Gelli not only encourages a number of artisans in pursuing the true learning and therefore in advancing their careers. He

also radically criticizes professional intellectuals (first of all, humanists), who being the gatekeepers of scholarship, in his view, just obscure and overcomplicate learning as “the doctors that always exaggerate diseases of their patients to appear more important.”

In my paper, firstly, I will demonstrate how such a clash of amateur and professional intellectuals resulted from Cosimo I’s cultural politics and how the Florentine Academy represented a new paradigm of the courtly science and learning. Secondly, I will outline Gelli’s theory of adult learning in order to connect it to the intellectual context of the period. Thirdly, I will explain why Platonic philosophy became a fruitful means for Gelli to formulate his theory as well as to unfold a substantial criticism towards the humanist way of learning and approach to scholarship.

On the one hand, I believe that my paper adds to the study of the 16th-century intellectual history by demonstrating the clashes and counter-currents within the social group of intellectuals while they had been evolving into modern “men of letters.” On the other hand, my paper will reinforce the scholarly position claiming that the Florentine Platonism in the Renaissance developed in a few distinctive “waves.” That one caused by the Florentine Academy in the 16th century has been undeservedly neglected, although its intellectual influence seems comparable to that of the Platonic Florentine Academy of Ficino.

Keywords: Renaissance Platonism, adult education, amateur intellectuals, men of letters, Florentine Academy

Савельева Марина Юрьевна
доктор философских наук, профессор
Центр гуманитарного образования
Национальной академии наук Украины
Киев; mars6464@gmail.com

Платон и Марк Аврелий:
историческая логика Становления диалоговой формы
философского мышления

Основание перехода от философского монолога к диалогу.

Опыт философского мышления исторически формировался как опыт оценки мифологического прошлого и подведения его итогов, поначалу во многом сохраняя признаки и свойства мифа. Поэтому первоначальным содержательным выражением философствования стало монологичное вещание, теряющее актуальность по мере ухода остатков мифологических представлений о мире. В результате исчезает представление о тождестве мысли и мира, смысловая скрытость и завершённость утверждений сменяется смысловой открытостью вопросов. Начинаются поиски эффективных приёмов доказательств утверждений в процессе диалога. Это означает, что диалоговая форма мышления формируется по мере осознания человеком перманентной невозможности формального завершения мысли.

Закономерности перехода от философского монолога к диалогу:

1) историческая, «вертикальная» закономерность, проявляющаяся в трансформации проблематики философского мышления от содержательной (мифологической) к формальной (рациональной).

2) логическая, «горизонтальная» закономерность, проявляющаяся в движении мысли от внешней формы (формы формы) к внутренней форме (формы содержания) – от суждения к вопросу, от постулата к постановке проблемы.

Данные закономерности показывают механизм перехода от монологической ситуации отсутствия выбора предмета мышления к диалогической ситуации осознания возможности выбора и оценки как выражений личностного отношения к акту мышления. В этом смысле диалог выступает одновременно логической и этической процедурой понимания сущности жизни и смерти и основанием выбора между ними. Что и показал на собственном опыте Платон.

Диалог внешний и внутренний.

Внешняя форма диалога формируется в условиях ранних рабовладельческих демократий, когда мышление начинают воспринимать как естественное качество человека, направленное на восстановление утраченного вселенского космического единства. Это конкретные по содержанию, но абстрактные по форме диалоги, которые ведут свободные и равноправные граждане для постижения истины как состояния приобщения к новому знанию. Абстрактность этой форме диалога придаёт эмпирический характер мышления и восприятие себя через другого как отчуждение себя в другом.

Внутренняя форма диалога формируется в условиях имперских пространств, когда мышление воспринимают как единственное свойство человека в условиях тотальной зависимости от всего. Цель этого диалога – поиск основания самоопределения субъекта размышлений независимо от времени и места пребывания. Таков опыт Марка Аврелия – абстрактный по содержанию и конкретный по форме, поскольку совершается между ним самим и им же как воображаемым оппонентом. Это беседа с самим собой как реальным субъектом и бесконечным множеством его возможных проявлений – это самоотчуждение с последующим действительным присвоением самости в результате самоанализа. Конкретность этому диалогу придаёт негативность теоретического аспекта мышления. Последнее означает, что основанием истины выдвигается всеобщая ценность личного опыта, негативность которого – в неизбежности вывода о том, что жизнь есть рабство и не даёт возможности достичь истины; смерть же, являясь освобождением, не даёт возможности живым узнать о достижении истины.

Ключевые слова: монолог, диалог, основание, мышление, миф, рассудок, разум

Marina Yu. Savelieva, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Centre for Humanitarian Education of National Academy of Sciences of Ukraine; mars6464@gmail.com

Plato and Marcus Aurelius:
historical logic of formation of dialogical
form of philosophical thinking

The Foundation for the Transition from Philosophical Monologue to Dialogue

The experience of philosophical thinking was historically formed as an experience of assessment the mythological epoch and summing up its results, and at first largely retained the features and properties of myth. Therefore, the initial expression of philosophizing was monological *declaration* or narration, which lost its relevance along with the disappearance of the mythological ideas about the world. As a result, the idea of the identity of thought and the world disappeared, the semantic secrecy and completeness of statements were replaced by the semantic openness of questions. It is began the search for effective methods of proof in the process of dialogue. That means that the dialogic form of thinking was formed in the process of a person's realization of the permanent impossibility of formal completion of thought.

Regularities of the Transition from Philosophical Monologue to Dialogue.

1) Historical, «vertical» regularity, manifested in the transformation of the problematic of philosophical thinking from substantial (mythological) one to formal (rational) one.

2) Logical, «horizontal» regularity, manifested in the movement of thought from an external form (form of form) to an internal form (form of content) – from a judgment to a question, from a postulate to a problem statement.

These regularities show the mechanism of transition from a monological situation of lack of choice of the subject of thinking to a dialogical situation of awareness of the possibility of choice and assessment as expressions of a personal attitude to the thinking act. In that sense, dialogue is both a logical and ethical procedure for understanding the essence of life and death and the foundation for choosing between them. It was shown by Plato in his own experience.

External and Internal Dialogue.

The external form of dialogue is formed under the early slave-owning democracies, when thinking began to be perceived as a natural human quality, aimed at restoring the once-lost cosmic unity. These are dialogues that are concrete in content, but abstract in form, which were conducted by free and equal citizens to comprehend the truth as a state of their initiation of new knowledge. The abstractness of this form of dialogue was impacted by the empirical nature of thinking and the person's perception of himself through the other as alienation of himself in the other.

The internal form of dialogue was formed in the conditions of imperial space, when thinking was perceived as the only property of a person in conditions of total dependence on everything. The purpose of this dialogue was to find a foundation for self-determination of the subject of reflection, regardless of time and place of residence. This was the experience of Marcus Aurelius – abstract in content and concrete in form, since it took place between himself and him as an imaginary opponent. This is a conversation with himself as a real subject and an infinite number of his own possible manifestations – this is self-alienation with the subsequent actual appropriation of himself in introspection. The negativity of the theoretical aspect of thinking lends concreteness to this form of dialogue. This means that the universal value of personal experience is a manifestation of truth. The negativity of this statement lies in the conclusion that life is slavery and does not allow reaching the absolute truth; death, being liberation, prevents the living from knowing about the attainment of truth.

Keywords: Monologue, dialogue, foundation, thinking, myth, intellect, reason

Сафиулина Рано Мирзахановна

кандидат филологических наук

Университет «Синергия»

Москва; ranoti-1@yandex.ru.

Учение Плотина и эстетизм М.А. Кузмина

В докладе рассматривается проблема рецепции учения платоника Плотина в творчестве русского поэта, критика М.А. Кузмина (1875–1936). В связи с этим одной из задач доклада будет сопоставительный анализ идей Плотина и произведений Кузмина. Исследователи творчества русского поэта серебряного века неоднократно подчеркивали влияние Плотина на его взгляды (Богомолов Н.А., Малмстад Дж.Э.), отмечая «Кузмину так близка была философия Плотина, писавшего в «Эннеадах», что красота является незаменимой частью бытия и что любовь – сила, заставляющая человека принимать эту красоту и духовно обогащать себя. Кузмин оставался верен этим идеям всю свою жизнь, и они становятся определяющим фактором для самых различных его произведений, будь то повесть «Крылья» 1905 года или поэзия 1920-х гг.

Доказывается, что увлечение философией Плотина не только отразилось в прозаических, поэтических, критических произведениях Кузмина, его дневниках и письмах, но в целом повлияло на его эстетические взгляды. Визитной карточкой творчества поэта стал эстетизм. В связи с идеями Плотина в творчестве Кузмина отразился целый комплекс проблем: культ *абсолютной* красоты, *истинного* человека, *совершенной* любви, позволяющей лицезреть божественную красоту и слиться с ней. Так, в знаменитой статье 1910 г. «О прекрасной ясности» Кузмин призывает товарищей по перу к соблюдению высших законов красоты, ясности и чувства стиля.

Поэту близка была связь учения Плотина с христианством, его идея о созерцании и едином, о тоске пребывания в телесном мире и мистическом слиянии с Богом. В произведениях Кузмина часто звучит тема трагической роли времени в мироздании и неизбежность смерти, скоротечность «милых хрупких вещей», понимание того, что вся человеческая жизнь подчинена извечным универсалиям вселенной.

Сама жизнь Кузмина выстраивалась согласно идеям Плотина. Так, в одном из писем от 13 января 1897 г. поэт пишет: «Но меня почти пугает масса миров и громадность горизонтов, и так страстно все существо откликается на них. Но я положительно безумею, когда только касаюсь веков около первого; Александрия, неоплат<оники>, гностики, императоры меня сводят с ума и опьяняют, или скорее не опьяняют, а наполняют каким-то эфиром; не ходишь, а летаешь, весь мир доступен, все достижимо, близко». По мнению Плотина, истинный, внутренний человек должен жить жизнью чистой души, обращенной к уму и богоподобной. Путь к единому открывают музыка, эротика и философия. Кузмин видел цель своей жизни и творчества в созерцании и творческому воплощению красоты посредством поэзии, музыки, философии, эротике. Лавров А., Тименчик Р. отмечают, что «Кузмин обладал абсолютным эстетическим слухом, подобным музыкальному, который позволял ему без видимых внешних усилий воспроизводить модель некоей узнаваемой художественной структуры, дающую о ней родовое, обобщенное представление и живого творения».

Ключевые слова: Плотин, М.А. Кузмин, созерцание, эстетизм

Rano M. Safiulina, Cand. of Sci. (Philology), Moscow Sinergy University, Moscow; ranomi-1@yandex.ru

The doctrine of Plotinus and the aestheticism of M.A. Kuzmin

The paper deals with the examines the problem of the reception of the teachings of the Platonist Plotinus in the works of the Russian poet, critic M.A. Kuzmin (1875–1936). In this regard, one of the tasks of the report will be a comparative analysis of the ideas of Plotin and the works of Kuzmin. Researchers of the work of the Russian poet of the Silver Age have repeatedly emphasized the influence of Plotinus on his views (Bogomolov N.A., Malmstad J.E.). Passion for philosophy Plotinus was not only reflected in the prose, poetic, critical works of Kuzmin, his diaries and letters, but in general influenced his aesthetic views.

Aestheticism has become the hallmark of the poet's work. In connection with the ideas of Plotinus, a whole complex of problems was reflected in Kuzmin's work: the cult of absolute beauty, true man, perfect love, which allows one to contemplate divine beauty and merge with it

The poet was close to the connection between the teachings of Plotinus and Christianity, his idea of contemplation and unity, of the longing of being in the bodily world and mystical merging with God. In the works of Kuzmin, the theme of the tragic role of time in the universe and the inevitability of death, the transience of "cute fragile things", the understanding that all human life is subject to the eternal universals of the universe is often heard.

The very life of Kuzmin was built according to the ideas of Plotinus. According to Plotinus, a true, inner person should live a life of a pure soul, turned to the mind and godlike. Music, eroticism and philosophy open the way to the one. Kuzmin saw the goal of his life and work in the contemplation and creative embodiment of beauty through poetry, music, philosophy, eroticism.

Keywords: Plotin, M. A. Kuzmin, contemplation, aestheticism

Светлов Роман Викторович

доктор философских наук РГПУ

Санкт-Петербург; spatha@mail.ru

Теология Юлиана Отступника¹

Попытки каким-то образом адаптировать друг к другу теологические позиции разных по типу систем верований неоднократно имели место в истории раннего средневековья. Один из наиболее важных примеров в этом отношении – Юлиан Отступник и его, активно реконструируемая исследователями «программа» возрождения «отеческих нравов», получившая отражение как в его собственных текстах, так и в сообщениях современников. Уже давно идут споры о степени влияния неоплатонизма, халдаизма, христианства, гипотетической теологии Митры на концептуализацию Юлианом эллинистически-римской религиозной доктрины. Мы постараемся показать, что Юлиан был не просто «эпигоном» антиохийского неоплатонизма, но разработал такого рода теологический нарратив, который имел прямое отношение к его трактовке природы императорской власти и политических реалий империи. Важной деталью станет рассмотрение того, как Юлиан понимал сакральные топосы и божественные силы, связанные с ними (прежде всего храм Юпитера Капитолийского и Иерусалимский храм). В частности, мы постараемся разобраться с тем, как Юлиан обосновывал сущностное соотношение богов-этнархов и Гелиоса, трактуемого Юлианом как демиурга чувственного мира. В этом контексте можно по-новому оценить и интерпретацию Юлианом халдаизма, а также природы иудейских верований, как они понимались императором – в контексте их «халдейских» истоков. Юлиан использует различные аргументы в пользу рациональной адаптации религиозных верований Израиля с пространством собственных представлений о религиозной ойкумене. Рассуждения о природе и истории иудаизма как религиозного явления являются для него фундаментом, на котором строится его политическая практика, как в области религиозного права,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-41005.

The research was funded by RFBR, project number 21-011-41005.

так и в вопросе, как сказали бы сейчас, «национальной политики». Философско-теологическая изощренность, опирающаяся на неоплатоническую манеру экзегетики, созданную в антиохийской школе Ямвлиха, и делающую основной упор на аллегорическом методе, позволяет ему соединить, казалось бы, несоединимое – язычество и авраамическую религию, храм Юпитера Капитолийского, и разрушенный Титом Иерусалимский храм, обнаруживая сходство не только в этническом и обрядовом характере язычества и иудаизма (в частности, в жертвоприношениях и вниманию к предсказаниям), но и в той области, которая казалось радикально различает их – в объекте религиозного поклонения. Теологическая «эклектика» Юлиана видится самому ее автору вполне органичным целым.

Ключевые слова: Юлиан Отступник, теология, халдаизм, боги-этнархи

Roman Svetlov, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Herzen Russian State Pedagogical University, Saint Petersburg; spatha@mail.ru

Theology of Julian the Apostate

Keywords: Julian the Apostate, theology, chaldaism, gods-ethnarchs

Солька Александр Андрэ Луи

независимый исследователь

Лозанна / Москва

aleksandr溶ka@yandex.ru

alexandresolca83@gmail.com

Чувства, сила, цивилизация, знания и судьба
от досократиков до произведений Платона,
в частности Тимея и Крития.

Каковы настоящие аспекты сказки об Атлантиде?

В фокусе доклада – представить все возможные исторические элементы, связанные с ранними текстами мудрости из Египта и Анатолии, которые могут быть восстановлены от досократиков, и объяснить многие важные элементы, которые мы рассмотрим подробнее в Тимее и Критии. Наша цель – поработать над внутренними свидетельствами вышеупомянутых тем среди фрагментов досократиков и посмотреть, на каком уровне Платон сам решил использовать их в своих работах и, в частности, в «Тимее» и «Критии». Во второй части мы выберем определенные отрывки из сказки об Атлантиде и включим их в более широкий анализ знания и судьбы в философских трудах, возглавляемых досократиками и дополненных Платоном. В заключение мы увидим, как Платон включил досократическое знание в свою философскую систему, чтобы улучшить образование в греческом обществе.

Ключевые слова: Досократики, Плато, власть, гордость, Крит, древний Египет, Тимей, Критий, Атлантида, обучение, знание и философия

Alexandre André Louis Solcà, independent researcher, Lausanne / Moscow; alexandresolca83@gmail.com

Feelings, power, civilization, knowledge and fate
from Presocratics to Plato's works,
in particular the Timaeus and Critias.
What are the real aspects of the Atlantean tale?

Our main purpose in today's presentation is to enlighten all possible historical elements related to early wisdom texts from Egypt, Anatolia and which can be retraced back from the Presocratics and explain many important elements we will look in detail in the Timeus and Critias. We will focus on the internal evidence of the above mentioned topics among the fragments of Presocratics and see at which level Plato himself decided to make use of it in his works and in particular in the Timaeus and Critias. In a second part, we will select specific passages of the Atlantean tale and include them in a larger analysis on knowledge and fate in the philosophical works led by Presocratics and enhanced by Plato. Therefore, in our short paper, Atlantis won't be seen as a simple fairy tale or a cosmological legend but more as a real philosophical entity which Plato, learning from ancient Crete and Egyptian now lost fragments, decided to renew so that all readers will think wisely on power, civilization, knowledge, fate and which consequences will be met if we allow unwise leaders to lead nations to failure and disaster and that only philosophy, education and culture are the essential pillars of a peaceful and long term civilization. In nowadays run towards digital technology and instant social media exchange, the Atlantean tale has more than one advice to provide us.) Let us listen closefully to Plato and the hidden wisdom of Presocratics.

Keywords: Presocratics, Plato, fate, power, ubris, Crete, ancient Egypt, Timaeus, Critias

Троицкий Виктор Петрович

старший научный сотрудник

«Дом А.Ф. Лосева»

Москва; vicpetro10.11@mail.ru

О возможном платоническом источнике
особого раздела
«Учения о числах» Кирика Новгородца
(1136 г.)

В трактате «Поучение им же ведати человеку числа всех лет» (краткое название в традиции – «Учение о числах»), принадлежащем Кирику Новгородцу, самому первому русскому математику, известному по имени, содержится особое и загадочное место, повествующее о «поновлении стихий» и, соответственно, подсчете периодов «обновления» неба, земли, моря и (в некоторых списках) воздуха и звезд. Исследователи единодушно возводят эти подсчеты к античным представлениям, которые нашли своеобразное отражение в болгарских или моравских «семитысячниках», однако более-менее точной идентификации их, хотя бы до определенного натурфилософского направления или концепции, до сих пор не предложено.

Выдвигается гипотеза: числовая номенклатура «обновления стихий» могла быть извлечена из наблюдений над правильными многогранниками, или платоновскими телами. Как известно, связь («аналогия») между тем или иным природным началом (стихия, στοιχεῖον) и правильным многогранником была установлена именно Платоном, в диалоге «Тимей» (Tim. 31 b – 32 c).

Далее предлагается геометрико-арифметический пересчет числа граней многогранника в периоды указанных «обновлений». Разумеется, подобный пересчет, выполненный современными методами, не мог быть выполнен в древности. Поэтому необходимым звеном в калькуляциях, продельваемых Кириком и его предшественниками, должны быть некие «натуральные макеты» или модели многогранников, сделанные из подручного материала, например, из глины. Обращается также внимание на возможную связь наглядной демонстрации платоновских тел и так называемых «каменных шаров» из Шотландии (обнаружены британскими археологами в XX в.), которые, вероятно, являются предшественниками подоб-

ных многогранников. При этом своеобразный «шотландский» след вполне обнаруживается в Новгороде времен Кирика: монах Антоний Римлянин, известный основатель Антониева монастыря и наставник Кирика, происходит как раз из тех мест.

Ключевые слова: Платон, Кирик Новгородец, «обновления стихий», диалог «Тимей», правильные многогранники, каменные шары Шотландии

Victor P. Troitsky, “House of A.F. Losev”, Moscow; vicpetro10.11@mail.ru

About the possible platonic source of the special section
in “The Doctrine about Numbers”
by Kirik Novgorodets
(1136)

The treatise *Teaching them to know a person the number of all years* (a short name in tradition is *The Doctrine about Numbers*), which belongs to Kirik Novgorodets, the very first Russian mathematician known by his name, contains a special and mysterious place telling about the “renewal of elements” and, accordingly, counting periods of “renewal” of sky, land, sea and (in some lists) air and stars. Researchers unanimously direct these calculations to ancient ideas, which found a kind of reflection in the Bulgarian or Moravian “seven-thousanders”, but more or less accurate identification of them, at least to a certain natural philosophical direction or concept, has not yet been proposed.

A hypothesis is put forward: the numerical nomenclature of “renewal of the elements” could be extracted from observations of regular polyhedrons, or Platonic solids. As you know, the connection (“analogy”) between one or another natural principle (element, στοιχείον) and the correct polyhedron was established by Plato, in the dialogue *Timaeus* (Tim. 31 b – 32 c).

Further, a geometric-arithmetic recalculation of the number of polyhedron faces during the periods of the indicated “updates” is proposed. Of course, such a recalculation, carried out by modern methods, could not have been performed in ancient times. Therefore, a necessary link in the calculations carried out by Kirik and his predecessors should be some

kind of “natural models” or models of polyhedrons made of improvised material, for example, from clay. Attention is also drawn to the possible connection between the visual demonstration of Platonic solids and the so-called “stone balls” from Scotland (discovered by British archaeologists in the twentieth century), which are probably the forerunners of such polyhedron. At the same time, a kind of “Scottish” trace is quite revealed in Novgorod during the time of Kirik: the monk Anthony the Roman, the famous founder of the Anthony Monastery and the mentor of Kirik, comes from just that place.

Keywords: Plato, Kirik Novgorodets, “renewal of the elements”, *Timaeus*, regular polyhedron, stone balls of Scotland

Харман Дильшат Догановна
кандидат искусствоведения РГГУ
Москва; dilshat.harman@gmail.com

Рецепция неоплатонизма
в работах художников эпохи Ренессанса:
границы и возможности иконологического метода.
Случай Дюрера

Интерес к рецепции неоплатонизма в визуальном искусстве, как и сама возможность постановки такого вопроса, возник в истории искусства в первой половине XX в. с появлением иконологического метода. Он предполагал, что чрезвычайно важно находить в произведениях художника отсылки к интеллектуальному, культурному, философскому его окружению, что они отображают важнейшие интеллектуальные и культурные веяния своего времени. Иконологи (Эрвин Панофски, Эрнст Кассирер, Рудольф Виттковер, Андре Шастель и другие) начали применять свой метод именно с изучения воздействия флорентийского неоплатонизма на работы таких художников как Боттичелли, Тициан, Микеланджело. Ученые показали, что много работ, ранее рассматривавшихся только с точки зрения анализа стиля и иконографии, можно концептуализировать, как имеющие отношение к традиции флорентийского неоплатонизма. В 1980-е гг. ряд искусствоведов поставили под сомнение влияние неоплатонизма на искусство эпохи Ренессанса, не оспаривая ценность иконологического метода как такового. Хорст Бредекамп и Чарльз Демпси полагали, что попытки поиска следов неоплатонизма в художественных работах приводят к натянутым, надуманным выводам. И сегодня дискуссия о рецепции неоплатонизма в изобразительном искусстве не потеряла остроты: в 2021 г. вышел сборник «Иконология, неоплатонизм и искусство Возрождения», авторы которого обсуждают, насколько все ещё правомерно говорить об этом феномене. Возможно ли, что Бредекамп был прав, и неоплатонизм появляется в картинах и скульптурах только тогда, когда на него смотрим мы – современные зрители и исследователи?

В своем докладе я хотела бы обсудить эту проблему на примере гравюры “Ведьма” Альбрехта Дюрера (1471–1528). Эта маленькая работа неоднократно привлекала внимание исследователей –

свои варианты интерпретаций предложили, в числе прочих, Эрвин Панофский, Федя Анцелевский, Чармиан Мезенцева. Иконографический анализ указывает на происхождение композиции из античного мотива Афродиты Пандемос, едущей верхом на козле, а само изображение козла взято непосредственно из иконографии Сатурна. Оба этих мотива отсылают к важным для флорентийского неоплатонизма темам противопоставления земной и небесной любви и сопротивления несчастливому влиянию Сатурна. Однако было бы ошибкой считать, что этим исчерпывается смысл произведения.

Сосредоточившись на неоплатонических отсылках, исследователи не придавали особого значению тому, как именно Дюрер изобразил сидящую на козле женщину. Это не старик-Сатурн, не прекрасная Афродита, а обнаженная уродливая старуха с прялкой. Тут смешались и нарождавшаяся в XV в. иконография ведьм, и устная традиция того времени, приписывавшая старухам особую связь с дьяволом, и чисто художественный интерес Дюрера к переработке античного и итальянского материала в «низком» ключе. Таким образом, хотя неоплатонические идеи, безусловно, послужили отправным моментом для создания гравюры, то, что получилось в итоге – синтетическое произведение, соединяющее в себе отголоски неоплатонизма, укорененность в представлениях о магии того времени и чисто формальные задумки автора.

При рассмотрении «Ведьмы» Дюрера приходится согласиться с Бредекампом: произведения изобразительного искусства не являются лишь материализацией философских представлений, но объединяют в себе, как минимум, философскую и визуальную традиции и могут создавать собственные – так, дюреровская ведьма повлияла на итальянские и немецкие изображения волшебниц, абсолютно не связанные с идеями неоплатонизма. Но кроме того, работы Дюрера и других художников дают нам уникальный шанс понять, как неоплатонизм воспринимался за пределами узкого круга образованных гуманистов, у людей, не обладающих их знаниями и эрудицией. Как известно, Дюрер, несмотря на свой интерес к идеям Платона (как минимум один раз он упоминает его в набросках введения к первому варианту трактата о пропорциях) и близкое знакомство с гуманистами, сам не знал греческого и латыни, и потому мог судить о неоплатонизме только с чужих слов. В его творчестве мы можем увидеть бытование неоплатонических идей в обществе, их эмоциональный потенциал.

Понимание того, что неоплатонизм – только одна из разнообразных традиций, задействованных при создании произведения искусства, ни в коей мере не умаляет значения его влияния на художников. Напротив, только вместе с другими он дает нам лучшее понимание как отдельных работ, так и эпохи в целом. Более того, хотя иконологов поначалу интересовало только то, как идеи неоплатонизма влияли на развитие искусства, довольно скоро, в книге Андре Шастеля «Марсилио Фичино и искусство» (1954) наметился отход от этой концепции «одностороннего движения». В сборнике 2021 г. «Иконология, неоплатонизм и искусство Возрождения» помещены сразу две статьи (Стефана Туссена и Валери Рис), в которых рассматривается не то, что Фичино дал художникам в плане идей, но то, что он сам позаимствовал из сферы визуального: его интерес к «материальности» искусства, уверенность в том, что идеал красоты распространяется через искусство и использование образов для поддержки своих философских аргументов. Доклад приглашает к дискуссии о том, как именно историки, философы и искусствоведы могут взаимодействовать в изучении флорентийского неоплатонизма и его рецепции.

Ключевые слова: неоплатонизм, Возрождение, иконология, Фичино, Дюрер

Keywords: neoplatonism, Renaissance, iconology, Ficino, Durer

Шевцов Александр Александрович

доктор психологических наук

Санкт-Петербург

Al.al.shevtsov@gmail.com

Мистика и магия платонизма

Платонизм очень широкое и длительное явление. В силу этого я ограничусь в своем докладе исключительно Платоном и Сократом. Тема мистики в творчестве Платона много и продуктивно разрабатывалась, а вот в отношении магии исследований, практически, нет. Хотя бытует некое мнение, что Платон относился к магии отрицательно.

В текстах Платона могут быть какие-то скрытые отсылки к действительной магии персидских магов, но, во-первых, для их выявления нужно глубокое исследование, во-вторых же, Платон точно еще не знал понятие «магия» в нашем смысле. Поэтому я считаю возможным опустить тему магии и перейти к мистике.

В отношении мистики Платон чрезвычайно богат различными возможностями рассмотрения, так что уже со времен неоплатонизма и последующей средневековой магии он рассматривался как человек, заложивший все принципиальные понятия. Понятно, что довольно часто ему просто приписывали то, что хотели услышать, поскольку каждый понимал под мистикой что-то свое.

Поэтому очень важно исходно определиться с тем, что же такое мистика. Обычно это понятие производят от греческого *μυστικός*. При этом основное определение: имеющий отношение к мистериям, легко замещается более смутным понятием: имеющий отношение к таинствам, поскольку мистерии считались таинствами.

Таким образом, современное понятие мистики обозначает все, что относится к таинственной части жизни. При этом очевидно, что мистерии проводились в тайне, и потому таинственная часть в них была. Но она не имеет никакого отношения к самим мистериям, если мы вдумаемся. Это внешняя «техника безопасности», так сказать. Действительная мистика там, где проходят мистерии.

Запрет молчать о самих мистериях был силен, и все до нас дошло достаточно много намеков на то, что же такое были мистерии на самом деле. Прежде всего, это был культ богинь плодородия

Деметры и Персефоны. Но через них он становился способом, как обрести бессмертие, погружаясь в нижний мир и возвращаясь. Иначе говоря, мистерии были о том, как душа ходит по мирам.

Платон не рассказывает о мистериях, хотя определенно проходил их, но зато он развивает учение о душе и ее путешествиях. Кроме того, мы точно знаем, что второе посвящение мистерий – называлось эпопт, то есть созерцающий. Платон вводит понятие созерцания в философский дискурс. Цицерон утверждал, что первым это сделал Пифагор, однако подтверждений этому нет, зато все последующие платоники однозначно считали, что это заслуга Платона.

Таким образом, мы можем сделать предположение, что создавая свою школу, Платон вслед за Сократом пытался сделать светский вариант мистерий.

Ключевые слова: Платон, Сократ, платонизм, мистика, магия, гозтия, μυστικός, мистерии

Aleksandr A. Shevtsov, Dr. of Sci. (Psychology), Saint Petersburg;
Al.al.shevtsov@gmail.com

Mystic and Magic of Platonism

Keywords: Plato, Socrates, Platonism, Mystic, Magic, Μυστικός, Mystery

Шуман Андрей Николаевич
*кандидат философских наук, профессор
Университет информационных технологий
и менеджмента в Жешуве, Польша
andrew.schumann@gmail.com*

Платонизм и Буддизм Чистой Земли

В статье я использую методологию структурного анализа мифа, предложенную К. Леви-Стросом, чтобы показать, что существует структурное сходство между онтологическими картинками, представленными в платоновском диалоге «Федр», с одной стороны, и в ранних сутрах Чистой Земли – с другой. Обе онтологические картины представляют собой своего рода этерналистское учение о небесах в рамках монистической философии. Делая краткий экскурс в сферу истории религий, я показываю, что буддизм Чистой Земли появился в Гандхаре (современный Пакистан) в результате культурной диффузии между эллинистической и индоарийской религиями. Далее я утверждаю, что есть много археологических свидетельств принятия в районе Гандхары в то время некоторых греческих представлений о небесах, вобравших в себя элементы философии Платона или же, как минимум, имеющих структурное сходство с фрагментами его диалогов. На основании этих фактов я прихожу к выводу, что учение Платона о небесах могло повлиять на учение о небесах сутр Чистой Земли, по крайней мере частично, во II в. н. э., пока в Гандхаре сохранялось выраженное эллинистическое культурное влияние.

Стоит отметить, что метемпсихоз играет ту же религиозную роль в учении Платона о небесах, что и в буддизме Чистой Земли. А именно, что мы должны выйти из колеса сансары. В Греции это учение о реинкарнации было впервые принято в орфической религии и стало популярным среди различных греческих философов, включая Платона. Та же доктрина была существенной частью буддизма и джайнизма. Одно из самых ранних известных упоминаний о реинкарнации принадлежит египетской сказке о двух братьях, датированной временем Сети II из 19-й династии Нового царства, т. е. с 1200 по 1194 г. до н. э. Некоторые индийские упоминания датируются намного позже этого египетского. Следовательно, в Греции

идея метемпсихоза могла возникнуть независимо от Индии. Во времена эллинизма орфическое божество Дионис, во-первых, связывалось с Индией в некоторых греческих источниках, а, во-вторых, его стандартные эллинистические изображения действительно раскопаны в Индии и датируются с III в. до н.э. по V в. н.э.

Ключевые слова: Платон, Буддизм Чистой Земли, Гандхара, этернализм

Andrew Schumann, Cand. of Sci. (Philosophy), University of Information Technology and Management in Rzeszow, Poland; andrew.schumann@gmail.com

Platonism and Pure Land Buddhism

In his paper, the author uses the structural analysis of myth proposed by C. Levi-Strauss to show that there is a structural similarity between the ontological pictures presented in the Platonic dialogue *Phaedrus*, on the one hand, and in the early Pure Land Sūtras, on the other hand. The Pure Land Buddhism has emerged in Gandhāra (today's Pakistan) as a result of cultural diffusion between Hellenistic and Indoaryan religions. The author claims that there is a lot of archaeological evidence for the acceptance in Gandhāra at that time of some parts of the Greek teaching about heaven containing elements of Plato's philosophy or at least having a structural similarity with certain passages of his dialogues. On the basis of these facts, the author has drawn the conclusion that Plato's teaching about heaven could have influenced the teaching about heaven in the Pure Land Sūtras.

It is worth noting that metempsychosis plays the same religious role in Plato's teaching about heaven as well as in the Pure Land Buddhism. Namely, we should get out of the wheel of *saṃsāra*. In Greece this doctrine about reincarnation was first accepted in Orphic religion and became popular among different Greek philosophers, including Plato. The same doctrine was a substantial part of Buddhism and Jainism. One of the earliest known mentions of reincarnation belongs to the Egyptian *Tale of Two Brothers* dated to the time of Seti II of the 19th Dynasty of the New Kingdom, that is, from 1200 to 1194 B.C. Some Indian mentions

are dated much later than this Egyptian one. Hence, in Greece the idea of metempsychosis could have appeared rather independently from India. At the time of Hellenism, the Orphic deity Dionysus, first, was being connected with India in some Greek sources and, second, his standard Hellenistic-style images are indeed excavated in India with dating from the 3rd century B.C. to the 5th century A.D.

Keywords: Plato, Pure Land Buddhism, Gandhāra, eternalism

Уч.-изд. л. 6,0.
Заказ № 1343

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru